

Меня назвали Лёхой в честь деда.

С самого детства я проявлял мистическое сходство со своим родственником. В привычках, предпочтениях, манере речи. Например, я никогда не делал закладок в читаемых книгах. Страницу запоминал, а абзац отчёркивал ногтем. Как дед. Никто не учил меня этому. Обыкновение проявилось само по себе. Будто вспомнилось. А ещё я питал врождённую любовь к грузовым автомобилям. Я игнорировал собак и кошек, мне были до лампочки игрушечные автоматы, но когда я видел, как мимо меня, дымя сожжённым маслом, проезжает горбатый «зилек», то бежал за ним на край света. И в этот момент по щекам моим текли слёзы счастья.

Всю жизнь мой дед проработал шофёром. Исколесил полстраны и, думаю, был мировым мужиком с кучей дорожных баек и анекдотов. Мою двоюродную сестру он звал Олегом, хотя она была даже не Ольгой. Так сильно дед хотел внука. Жаль, мы с ним ни разу не встретились. Он умер от опухоли головного мозга за несколько лет до моего появления на свет.

Однажды, бухая у Серого на квартире, мы говорили об этом. О переселении душ и всём прочем. У нас имелись ящик пива и пятница, и мы были полны решимости разложить всё по полочкам.

— Нет, — в конце концов произнёс мой товарищ. — Я не верю в эту галиматью. Но знаешь, во что я действительно верю? Я верю, что умершие предки на самом деле определяют судьбу живых.

— Ты говоришь о генетике?

— Нет, чёрт подери, не только о ней.

Он был крайне импульсивным молодым человеком.

— И не о коллективном бессознательном, — заверил меня тут же он.

Удивительный тип. Отучился на повара, но взахлёб читал философию. Как-то раз я нашёл у него на полу возле кровати «Закат Европы» Освальда Шпенглера. С чёрно-белой фотографией мыслителя на фронтиспise. Философ как две капли воды походил на Серёгу. Только был на двадцать лет старше его. Во взгляде Шпенглера угадывалась пламенная непримиримость. Качество, которое

долгое время после того чётко ассоциировалось у меня со всем возвышенным и прекрасным.

— Так о чём же? — произнёс я.

— Я говорю, твою мать, обо всех тех трансцендентных вещах, которые на ментальном уровне передаются нам по линии крови. Это не психология и не метафизика. Это биология в её высшем смысле. У всякого рода есть дух. И все мы — единичные воплощения этого духа. Вот почему важно знать свою генеалогию. Изучая биографии родственников, мы постигаем и границы нашего общего с ними духа, а через это постигаем себя. Свои возможности и горизонты, свои заблуждения.

— Кажется, я понимаю.

— Твою мать, я не могу объясниться точнее.

А ночью я вызвал такси. За мной подъехала старенькая «Тойота», в салоне которой стоял удушливый запах триллиона выкуренных сигарет. Машина безбожно скрипела, троила, чихала, но ехала. Упрямо и терпеливо, как старая лошадь. Водитель тоже, казалось, вот-вот двинет коньки. Таким он выглядел усталым и древним. Они, верно, состарились вместе. Он и машина. Я взглянул на одомер. Почти миллион километров. Можно было сгонять на Луну и обратно, по дороге заскочив на мкс. Я даже присвистнул. Эта парочка вызывала у меня уважение.

— Как, есть работа? — спросил я водителя.

— Работа найдётся всегда для того, кто хочет работать, — произнёс таксист, неспешно катя по дороге. Казалось, что он умирает и машина просто едет накатом. — Главное, есть ли у тебя деньги?

Я представил себя со стороны. Пьяный, футболка порвана после того, как мы с Серёгой решили посостязаться в борьбе, на руках — садины. Вид как у разбойника с большой дороги.

— Держи, шеф, — сказал я, протянув сотку.

Таксист удовлетворённо убрал её в нагрудный карман рубашки.

— Хочешь подработать в такси? — спросил он.

— А почему нет? — пожал я плечами.

Всё дело в том, что недавно отец подарил мне старенькие «Жигули», без дела ржавевшие у него в гараже. Конечно, не зил, но для первой машины что надо. И я вправду подумал: «Почему нет?»

Сиди себе с книжкой у магазина да развози мыльных старушек с продуктовыми сумками по домам. Романтика, чёрт подери». Мысль стать шофёром так неожиданно созрела в моей голове, что в этом можно было обвинить лишь покойного деда—его дух или гены, называйте как нравится,—нашептавшего мне эту идею.

— Студент? — поинтересовался таксист.

— Уже нет, — сказал я. — Ушёл с последнего курса филфака.

— Отчислили, что ли?

— Да нет же. Просто трезво прикинул: максимум, что меня ждёт после получения диплома, — работа школьным учителем за двадцать тысяч. А мне это не улыбается.

Я всем рассказывал эту историю. И в общих чертах она соответствовала действительности. Не говорил я только, что сначала ушёл в академ. Несчастливая любовь, знаете ли. Не мог я сидеть над учебниками, когда мне хотелось бежать чёрт его знает куда, лишь бы не находиться наедине с самим собою. Я съездил на вахту на Сахалин, в Абакане поработал на стройке, а когда год истёк, защита диплома показалась мне такой мелочью, что ради неё не стоило и заморачиваться. Не представлял я себе больше жизни, связанной с ведением бесконечных отчётов, журналов и ежемесячных листов самооценки. И всё это под садицкий диктат директора-неврастеника.

— Лучше устраивайся по специальности. Такси — это для пенсионеров и тех, кто не может найти себя в жизни. А ты ещё молодой. Стоит попробовать себя по призванию.

— Избавляетесь от конкурента? — спросил хитро я.

Таксист рассмеялся. Нет, он был офигительным. Правда.

— Ни в коем случае.

— Хотите узнать моё мнение?

— Валяй, — сказал он.

— Как по мне, так вам давно пора на покой. Нянчиться с внуками, смотреть по кабельному «Семнадцать мгновений весны», а вечерами сидеть на лавочке возле подъезда, дышать воздухом и вспоминать всё бывшее.

— Я ещё не так стар, — смеялся таксист.

— Да, нужно освобождать дорогу для молодёжи.

— Но не в таксисты же?

— В том числе и в таксисты.

Водитель, не переставая, смеялся. У него было превосходное чувство юмора. Большое и мягкое, как он сам. Расстались мы с ним друзьями. А на следующий день я пошёл в таксомоторную фирму.

2.

Я на всю жизнь запомнил свою первую смену.

В то время у нас ещё не было «Убера» или «Яндекса», которые раздавали заказы через приложения на «Андроид». Компании работали по

старинке, то есть по рации. А когда ты в такси первый день, город знаешь на уровне обывателя и общий твой водительский стаж — четыре с половиной часа, такая работа способна обратиться сущим кошмаром. В рации треск, голос диспетчера слышен так, будто звучит из самих чертогов Нерзула, и на то, чтобы сориентироваться, как, чёрт побери, далеко ты находишься от клиента, у тебя есть пара секунд. Самое большее.

— Мальчики, Пушкина, сто шестьдесят восемь, — сообщала диспетчер и тут же в ответ слышалось двадцать мужских голосов, во всю силу лёгких выкрикивающих свои позывные.

— Втор-пя-шестьдесят пер-двадц-сдьмой, — примерно так звучала ответная какофония.

— Сдьмой, — выдавала вердикт диспетчер.

— Почему сдьмой? Первым был я, — пытался спорить один из водителей.

— Мальчики, вы так кричите, что только друг другу мешаете. Чей позывной я чётко услышала, тот и получает заказ. Всем всё понятно?

— Понятно, — хмуро отвечал завязавший перепалку таксист.

— А ты, двадцать третий, проверь рацию. Или встань в другом месте. У тебя помехи в эфире.

На то, чтобы получить первый заказ, у меня ушло часа три, за которые я успел порядочно известись. Я попросту не успевал вовремя жать на гашетку. Боже, выдай нашим таксистам оружие — и по сравнению с ними Ди Каприо из «Быстрых и мёртвых» не годился даже на то, чтобы палить в небо. Да на Диком Западе они, верно, каждый день бы грабили по десять поездов, а шерифов убивали целыми пачками. Каждый из них, в конце концов, заработал бы по миллиону «зелёных», и никто б их не сцапал, если, разумеется, они сами, одного понта ради, не сдались бы властям. Но они жили в России, в самом начале двадцать первого века, и их сноровка ценилась недорого.

Как бы там ни было, удача всё-таки мне улыбнулась.

Я стоял возле рынка. А так как эту часть города я более-менее знал и диспетчер, словно смилостивившись надо мной, назвал адрес не по номеру дома, а по названию магазина, среагировал я молниеносно. — «Золотой дом», рынок, — послышалось в шипящем эфире.

— Восемь-восемь, — заорал я как полоумный.

— Восемь-восемь, — ответила диспетчер Маша. — Клиент ждёт у главного входа. Поедешь до Черногогорска, проспект Космонавтов, одиннадцать. Четыреста рублей.

Четыре сотни. Вот это удача! Одной заявкой я сразу отбивал весь простой, триумфально возвращаясь в игру. Наверное, ни один пассажир не видел такого счастливого водителя такси. Всю дорогу я держал себя так, будто вёз самого президента. Для полного погружения не хватало

лишь красной ковровой дорожки, к которой я с ювелирной точностью подрулил бы на адресе. От радости мне хотелось выкинуть что-нибудь этакое. Остановиться на светофоре и оббежать машину победной трусцой. Безумие? Знаю! Но я ничего не мог с собою поделать.

— Хоть дожди наконец кончились. Июль месяц, а настоящего лета ещё не было, — зачем-то проговорил я, косясь в зеркало заднего вида.

Девушка переписывалась с кем-то по телефону.

— Ага, — проронила она, не подняв головы.

— Едете домой или в гости?

Тут она всё-таки на меня посмотрела. Но посмотрела так, словно было без пяти минут шесть и её только что попросили задержаться в офисе до полуночи. У меня даже пульс участился от жуги.

— Послушайте, у меня был трудный день, и я хочу помолчать.

— Хорошо, помолчим. Ваше право.

Я включил радио. Не скажу, что моё настроение испортилось. Ведь я всё-таки получал свои четыре сотки. Но музыка в машине звучала несколько громче, чем требовалось, да и вместо попсы играл тюремный шансон.

Вернувшись в город, я принялся брать всё подряд. Только слышал знакомую улицу — тут же кричал своей позывной. Я не дожидался, когда диспетчер назовёт номер дома, придя к заключению, что город наш небольшой, и в каком бы конце его клиент ни находился, всё равно он будет где-то поблизости. Однако на деле подобная тактика выливалось для моих пассажиров в десятки минут ожидания, по истечении которых они готовы были меня растерзать.

Экономя время, я летел по улицам как угорелый, проезжая светофоры на жёлтый. Если мне требовалось развернуться, я бросался, словно атлет с шестом, через двойную сплошную. По кочкам проносился как по автобану. На проспектах и вовсе развивал сумасшедшую скорость. Тогда я имел весьма смутное представление об амортизации и таком тонком моменте, как соотношение цен на бензин и пройденного за день пути, поэтому в первый день, а возможно, и весь первый месяц работал почти что впустую.

— Я жду вас двадцать минут! — кричала разъярённая пассажирка с бешеным взглядом серийной маньячки. — Если бы я не торопилась, разве вызвала бы машину? Включите логику, умоляю!

— У нас аншлаг, дамочка, — успокаивал я её, закладывая особенно лихой вираж. Мне казалось, что так я больше похож на таксиста. — Солнышко светит, и людям не сидится на месте.

— Тогда сказали бы сразу, что машин нет. Я вызвала бы другое такси.

— И отдать вас конкурентам?! Пристегнитесь, пожалуйста. Я доставлю вас к месту быстрой истребителя.

Дорога до пассажиров была сплошным лабиринтом. Это сейчас у каждого в телефоне есть навигатор, который любезно подсказывает короткий маршрут до любой точки мира. Тогда приходилось пользоваться собственными скудными знаниями. Перед выходом на работу я купил в книжном подробную карту города. Разворачивая её каждый раз, когда мне нужно было сверить своё местонахождение в пространстве, я клал карту прямо на руль, пытаясь одновременно управлять автомобилем и ориентироваться на местности. Наблюдая эту картину, люди открывали от изумления рты. Они, верно, думали, что я им мерещусь. На то, чтобы удостовериться в происходящем, у них попросту не хватало времени. Я пролетал мимо, как кролик Бакс-Бани из уолт-диснеевских мультфильмов. Мгновение спустя они приходили в сознание, но я уже был далеко, минимум за два перекрёстка, недостижимый для их эмпирических изысканий.

Стоит ли говорить, что у моей навигации была масса серьёзнейших недостатков. Попробуй, например, с перепугу найти какой-нибудь маленький, Богом забытый проулок в районе «Космоса» или «Гавани», где их нашпиговано больше, чем бразильских фавелл.

— Маша, где у нас улица Восьмого Марта? — спрашивал я диспетчера.

И она отвечала:

— Между Павшими и Цукановой.

Я разворачивал карту. Целых пять минут у меня уходило на то, чтобы найти злосчастные Павших Коммунаров с Цукановой и с ужасом осознать, что между ними находилось добрых три десятка улиц поменьше, которые безбожно змеились, ветвились и чёрт знает что ещё делали во все направления сторон света, включая северо-северо-запад и юго-юго-восток.

К тому же в городе было полно «хитрых» улиц, которые никаким особенным образом на карте не отмечались. Такая улица могла упереться, например, в стадион или по непонятным причинам вдруг оборваться посреди чистого поля. И я думал: «Ну что ж, здесь я управлюсь по-быстрому. Всего двадцать дворов». И начинал искать нужный адрес на этом коротком, до дыр изъеденном шинами отростке асфальта, выбивая нанопыль из подвески, в полной уверенности, что клиент где-то рядом. Я проезжал улицу один раз, второй, третий, но так и не находил нужный дом. Тогда я снова разворачивал карту. Скрупулёзно изучал каждый её сантиметр, вчитываясь в мельчайшие буквы шрифта, и вдруг наткнулся на продолжение своей улицы, объявлявшейся в другой части города. Словно пуля, вошедшая в тело в районе груди и вышедшая из него в пояснице, «хитрая» улица продолжалась в том конце Абакана, где её никак не должно было быть. Логическому объяснению это не поддавалось. Видимо, «хитрые» улицы

необходимо было попросту выучить, подобно исключениям из правил русского языка. А пока что мне приходилось в буквальном смысле слова ступать по минному полю. Часто мне попадались плёвые улицы, но после них рано или поздно прилетала и «хитрая». И тогда на то, чтобы добраться до адреса, расположенного в каких-нибудь двух сотнях метрах, мне требовалось пятнадцать минут драгоценного времени.

Наконец, бумажная карта не показывала моего текущего местонахождения. Особенно остро недостаток сказывался в частных районах города или на дачах. Стоило проплутать там пару минут, как я совершенно терялся в пространстве. Не каждый хозяин коттеджа утруждал себя повесить на забор табличку с адресом. Порой требовалось проехать улицу до самого последнего дома, чтобы элементарно выяснить, как она называется. Когда же стемнело, разобрать, куда именно я подрулил, вовсе делалось невозможно. Приходилось то и дело отстёгивать ремень безопасности, вытаскивать свою задницу из машины и под оглушительный лай дворовых собак рыскать в округе в поисках хоть какого-нибудь указателя. В определённый момент у меня даже сбилось дыхание от подобной гимнастики, хоть с недавнего времени я и ограничивал себя пятнадцатью сигаретами в день. — Вы что, толкали сюда машину через весь город? — решил пошутить над моей одышкой клиент на Орбитовских дачах.

— Нет, тащил её на спине, — произнёс я в ответ.

Наверное, несколько резче, чем требовалось. Во всяком случае, больше этот умник шутить не осмеливался, промолчав до самого выхода.

На восьмой час безостановочного мотания по городу я вымотался до предела. Честно признаться, я немного иначе представлял себе труд таксиста. Непыльная работёнка, так принято про неё говорить. Полная чушь! От долгого сидения за рулём у меня смертельно болела спина. Да что там спина. Болела даже пятка правой ноги, потому что я постоянно упирался ею в пол, выжимая педали газа и тормоза. Выбравшись из машины, чтобы размяться, я попросту не смог разогнуться. Меня скрючило так, будто я весь день просидел в ящике Дэвида Копперфильда. Колени скрипели, словно несмазанные петли ворот, а спина, стоило мне потянуться, отзывалась таким громким хрустом, что раздайся он ночью в лесу, из того сбежали б все звери.

Нет, правда, если б я разгрузил вагон угля, а потом перерубил поленницу дров, то, наверное, устал бы куда меньше, чем проехав двести километров по городу на автомобиле, не оборудованном гидроусилителем руля и автоматической коробкой переключения передач.

Это было вождением на пределе возможностей. В автошколах не учили такому. Невозможно было

пережить этот опыт, и используя автомобиль в частных целях. Тот ежедневно совершаемый обычателем десятикилометровый прогреб из дома до офиса и обратно, пусть даже с заездами в детский садик, на маникюр и в суши-бар за любимыми роллами, не открывал всех нюансов управления машиной. Можно было десять лет проездить в этом лайтовом режиме, но так и не научиться сдавать по двору задом или парковаться на забитой до отказа стоянке. Только в такси ты действительно преодолевал сопротивление дороги, а не катился себе по инерции. Никаких осточертевших, набивших оскомину маршрутов. Всё время приходилось быть начеку. Вот я ехал на речку в компании подвыпивших эзков, осиливая метровые кочки и бескрайние лужи, донную карту которых ещё не составил ни один мореход, а следующий заказ вёл меня прямо на дачи с заросшей кустами полныи дорогой. И неизвестно, ни где впереди лежачие полицейские, ни за каким деревом видеочамера. Любой светофор с отсвечивающей в лучах заходящего солнца стрелкой мог преподнести массу неприятных сюрпризов. Например, вынести под нёсшийся на всех парах «Ланд Крузер», одна лишь фара которого вместе с ксеноновой лампочкой стоила дороже однушки в Саяногорске.

Порой жизнь усложняли и сами клиенты, чьи непредсказуемые, лишённые всякой логики комментарии вносили немалую путаницу в процесс ориентирования на дороге.

— Вон за тем магазином поверни направо, — спокойно вёл меня к адресу один такой пассажир. — А сейчас поверни налево, — продолжал он своим усыпляющим голосом.

И вдруг ни с того ни с сего заорал, словно резаный:

— А сейчас направо-направо-направо!

Я нажал резко тормоз, одновременно сверяясь по зеркалам: нет ли сзади помехи. Тут же выкрутил руль до упора в правую сторону, целясь в едва приметную тропку, уходящую под уклоном прямо перпендикулярно дороге. И только тут понял, насколько отвесный передо мной спуск. Но уже было поздно. Машина на всём ходу зарылась вниз носом, с металлическим лязгом ударившись защитой об огромный валун, торчащий из хребтины уклона подобно горбу на спине Квазимодо. От удара у меня лягнули зубы, во рту появился солоноватый вкус крови. Но времени на то, чтобы прийти в себя, не оставалось. Спуск заканчивался глубокою яминой, преодолеть которую я по центру — и легко остался бы без переднего бампера. Бешено вращая рулём, я держался самого края земляной насыпи, балансируя на ней, как на канате. Машина накренилась вбок градусов на шестьдесят. Ещё чуть-чуть — и я бы перевернулся на крышу, продолжив спуск верх ногами. Не знаю, как мне удалось удержать автомобиль в равновесии. Разве

что своей пятой точкой. Серьёзно! У меня было полное ощущение, что сдвинулся я хоть на миллиметр в сторону— и изменившийся центр тяжести немедленно увлечёт «Жигули» в головокружильный салтью-мортале. Наконец, стукнувшись правым колесом о неприметную выбоину на краю ямы, автомобиль выровнялся, заскакав по колдобинам, как газель по саванне.

— А теперь до самого конца прямо,— снова спокойно сказал клиент, словно только секунду назад не орал как помешанный.— И осторожно. Впереди плохая дорога.

В общем, к полуночи я чувствовал себя настоящим гонщиком болида Формулы-1. Научился управлять автомобилем за один день по ускоренной программе Илоны Давыдовны. Входил в повороты, как истребитель пятого поколения в девяностоградусные виражи, а по дворам двигался только задом. Я даже начал позволять себе разные штучки, наподобие обгонов при ограниченной видимости. От преждевременной седины клиентов спасало лишь то, что под вечер они поголовно садились в машину бухими.

Они сами просили трюкачества.

— Давай делай эту телегу,— отлипнув от пивной банки, закричал один такой пассажир.

Разве я мог не принять его вызов?

Встав на педаль газа всем телом, я прилип к самому бамперу впереди идущей машины, ловя разреженные потоки воздуха, как в каком-нибудь меланхоличном «Наскаре».

Затем вырулил резко на встречу, включив пятую скорость.

— Давай! Мы его дрючим.

На небритом лице пассажира застыл безумный восторг. Красные после нескольких дней оголтелой попойки глаза блестели в свете уличных фонарей, как у пенсильванского графа.

Но тут светофор впереди засветил жёлтым, и мне пришлось перейти на нейтралку. Добытое с таким трудом преимущество в пять корпусов стремительно таяло. Вот она— подлая стратегия обывателя. Не ударив и пальца о палец, он придёт к финишу первым.

— Езжай. Я за всё плачу,— прокричал пассажир.

Дважды просить меня не пришлось. Я врубил снова пятую и вылетел на перекрёсток. Крадучись, на него уже забиралась чёрная «Гранта». Отчаянно засигналив, я перестроился в крайнюю правую полосу, пролетев мимо, как Молния Маккуин.

— Красава. Дай пять!

— Ну и напугали мы бедолагу.

— Плевать,— доставая бумажник, парировал пассажир.— В следующий раз будет смотреть по сторонам. Преимущество было нашим. Мы завершали манёвр, он должен был уступить.

Отсчитав мне две сотки, он вышел, а я засобирался домой.

Как-никак я провёл четырнадцать часов за рулём. И так устал, что не чувствовал тела. И всё-таки я был счастлив. Словно вспахал огород у бати на даче. Одним словом, сделал что-то полезное.

Сдав рацию, я подсчитал прибыль. С вычетом комиссионных и сожжённого топлива, которое я буду вынужден снова залить завтра в бак, у меня в кошельке было тысяча триста сорок рублей.

Для первой смены неплохо.

3.

На следующий день я решил побить свой рекорд.

Ворон я уже не считал, вязавшись в борьбу за километры с самой первой минуты. К трём часам полудни я сделал десять заявок, начав строить весьма амбициозные планы. Я прикинул, что, если дела пойдут так и дальше, я смогу перекрыть прошлый заработок минимум в полтора раза. Перед моим мысленным взором светились, словно неоновые, астрономические цифры будущих выручек. Полторы тысячи, две, две с половиной. Наконец я увидел буквально сияющую, подобно названию казино в залитом электрическим светом Лас-Вегасе, сумму в три с половиной тысячи рублей. Это сколько же в месяц? Даже с двадцатью рабочими сменами я рисковал перекрыть заработок учителя средней школы минимум в три раза. А если поднапрячься и отработать двадцать пять смен, то каждые полгода я мог совершенно спокойно летать в Паттайю на двенадцать ночей. Я бессовестно грезил, как со мной часто случалось, искренне веря в свои безумные планы.

А потом мне прилетела заявка до Минусинска. Двадцать пять километров пути и пятьсот пятьдесят рублей чистой прибыли. Похоже, мне действительно сегодня везло. И это уже были никакие не выдумки.

На адрес я летел как полоумный. Всё казалось, что диспетчер скажет сейчас: «Восемь-восемь, отбой. Клиент уехал с другим, слишком ты долго». Такого фиаско я бы себе не простил. Поэтому ещё за два перекрёстка до въезда во двор прокричал в рацию:

— Восемь-восемь на месте.

— Звоню,— спокойно произнёс диспетчер в ответ.

«Успел»,— решил я. И хотя клиент мог запросто уехать без предупреждения, на душе мне сделалось легче. Когда же, подрулив к дому, я увидел у одного из подъездов парня, нетерпеливо поглядывавшего по сторонам, меня вовсе поправило. Захотелось выпрыгнуть из машины и расцеловать пассажира. В том, что это мой пассажир, я не сомневался. Двадцатичасовой опыт работы в такси безошибочно мне говорил, что все подпирающие подъезд люди только и мечтают о том, чтобы куда-нибудь скорее свалить.

— До Минусинска?— спросил он, открыв дверь машины.

— Поехали-поехали, — скороговоркой произнёс я, словно мы были на фронте и по нашему квадрату всюю была союзная артиллерия.

После спринтерской гонки со временем я чувствовал себя всё равно что под энергетиком. Стоило клиенту усесться в машину, как я бешено рванул с места, выбросив из-под колёс шквал мелких камешков.

— Боже, ну и переворачивает меня, — произнёс пассажир.

— Гулял вчера, что ли? — спросил я, стараясь взять себя в руки.

Это было непросто. Со двора я вылетел, как снаряд из Т-34, и, подрезав тихоходную легковушку, неспешно катящую в сторону готового вот-вот заморгать светофора, выскочил на дорогу, безбашенный и агрессивный.

— Не то слово. Пять лет не виделся с другом.

— Пять лет? Был в отъезде?

— В Москве. Сегодня улетаю обратно.

Я присвистнул.

— Далеко тебя занесло.

— Кстати, если подождёшь, поедем обратно. Мне только сумку забрать — и в аэропорт.

— Без проблем, — сказал я, заложив широкий вираж на перекрёстке.

— Сколько возмёмшь?

— Косарь туда и обратно.

— Вот что мне у вас нравится, так это расценки в такси. В Москве бы за такое взяли тысячи три в лучшем случае.

— Ну так столица! — произнёс в ответ я.

То, что творилось у меня на душе, было неопишимо. Бог мой — косарь! Выполнив этот заказ, я мог сразу ехать домой. И будьте уверены, я бы нашёл чем занять свободное время.

— Один московский таксист мне как-то рассказывал, — произнёс пассажир. — Подобрал он приежжик на Курском вокзале. «Куда?» — спрашивает. «До Ярославского», — отвечают они. А Ярославский вокзал находится сразу через дорогу, — рассмеялся парень. — Посещал когда-нибудь Москву? Приходилось бывать на площади Трёх вокзалов?

— Не бывал. Но представление имею.

— Так вот, таксист включил счётчик и давай катать пассажиров по городу. Провёз по Третьему транспортному, по Садовому, прокатил по набережной мимо Кремля. В общем, устроил экскурсию. В итоге, когда он остановился у Ярославского, счётчик накрутил семь рублей.

— И они заплатили?

— Заплатили. А куда денешься?

Я представил себе этих людей. Должно быть пожилые супруги. Мужчина худой, с жёлтым от никотина лицом, в старой истрёпанной кепке из кожзаменителя. Женщина полная, в свободном, чёрного цвета, платье с выцветшими аппликациями. И у них были большущие сумки.

Не пластмассовые с колёсиками и выдвижными ручками, какие вошли сейчас в моду, а клеёчатые в разноцветную клеточку. Приезжие так испугались города, что не нашли в себе сил возразить бессовестному бомбиле. Возможно, эти семь тысяч были их последними деньгами и, прежде чем расплатиться, женщина долго держала купюры в руке, не решаясь с ними расстаться.

Я даже перестал гнать, так меня возмутила эта история.

— Да ладно, — угадав моё настроение, произнёс пассажир, — ему вернётся всё бумерангом.

Я немного остыл. И попытался припомнить, когда кому-нибудь из знакомых прилетал бумеранг. Сразу же вспомнился случай, когда Серёга не вернул продавцу лишние пятьдесят рублей сдачи и тем же вечером его обсчитали в пивной. Выходит, схема и вправду работала. В моём воображении сразу же закрутилась картинка, как московский таксист разбивает машину. Но сначала его грабят преступники. А перед этим изменяет жена. Сурово, конечно. Но подобные люди заслуживают судьбы Иова.

Тем временем я вырулил из Абакана. Провёл машину по мосту через одноимённую реку, спустился к Подсиненским дачам и снова пересёк мост, на этот раз через реку Енисей. Теперь мы с пассажиром катили по Красноярскому краю. Кругом тянулись холмы с одинокими соснами. Постепенно сосны собрались в небольшой бор, но лишь для того, чтобы минуту спустя расступиться, открыв широкий простор, подёрнутый вдалеке синей дымкой.

Минусинск был прямо по курсу. Старинный и живописный. Новая его часть, с панельными пятиэтажками, торговыми центрами и металлическими гаражами, сменялась старым кварталом, где местами встречались вполне колоритные здания. Я не бывал в Питере, но почему-то всякий раз, когда проезжал Минусинск, на ум приходил именно этот город. Единственное, чего ему не хватало, — так это лоска. Старинные здания выглядели заброшенными и нежилыми. Казалось, они вот-вот рухнут, подняв в воздух такую древнюю пыль, что от неё у жителей города начнётся эпидемия бубонной чумы, осложнённой китайским гриппом.

Всю дорогу клиент, не умолкая, рассказывал про Москву. Он жил на Садовом, по соседству с Меладзе. Его квартира стоила пятнадцать миллионов рублей, и каждые полгода он летал за границу. Побывал в Египте, Турции, Испании и Франции. Я верил ему и не верил. И в конце пришёл к выводу, что даже если это враньё, то красивое, а значит, безвредное. Всё равно что фильм про любовь, где в конце все живут долго и счастливо.

— Ну, я пошёл, — сказал клиент, когда мы остановились на адресе. — Возьму сумку и сразу же выйду. А ты пока развернись.

Я включил радио и принялся ждать, напевая под нос сладкие, как варенье, слова популярных хитов. Я и не заметил, как прошло десять минут, а пассажир так и не появился.

Наконец я занервничал.

— Маша, у меня клиент ушёл за деньгами, — пробубнил я. — И не возвращается. Набери его номер. — Клиент недоступен, — ответила Маша минуту спустя.

— Набери ещё раз, пожалуйста.

— А какой смысл? Я уже раз семь набирала.

Я запомнил, в какой подъезд он зашёл, но что толку? Пять этажей, на каждом пролёте минимум по три двери. Не буду же я долбиться во все квартиры подряд, как член избиркома?

Сукин сын так хорошо меня обработал, что я не потребовал денег. Побоялся обидеть столичного гостя. А тот, возможно, с детства жил в какой-нибудь Селиванихе и сейчас умирал со смеху, рассказывая корешам, как обвёл меня вокруг пальца. — С почином тебя, восемь-восемь, — грустно сказал по радики один из таксистов.

4.

— Скорей на железнодорожный вокзал. Я опаздываю, — крикнула женщина, запрыгнув в машину.

Я тронулся с места с таким прошлифоном, будто вознамерился побить рекорд ускорения до сотни. Пассажирка чуть было не кувыркнулась в багажник. По Озёрной, изогнутой, как неправильный вопросительный знак, я выжал восемьдесят, выбив днищем сноп искр о лежащего полицейского. Свернув же на Тараса Шевченко, переключился на пятую, принявшись планомерно укладывать стрелку спидометра.

Три дня я мечтал о клиенте, который куда-нибудь бы торопился. До этого я был единственным, кто спешил в этой машине. А это, сами понимаете, папахивает принадлежностью хоть и не к сексуальным, но всё же меньшинствам. Ты не мчишься на пределе возможностей. Тебя сдерживает отсутствие благой цели и гнетущая атмосфера молчаливого неодобрения. Клиент, возможно, только отужинал или провёл приятный вечер с милою девочкой. Он умиротворён и вызывает такси, чтобы, погрузившись в приятные мысли, насладиться картиной вечернего города. А потом спокойно лечь спать. И тут он попадает в настоящий парк аттракционов. «Пристегнитесь, пожалуйста! Вы купили билет на американские горки».

Нет, торопиться в одиночку — всё равно что идти на рыбалку с человеком, который видел природу в гробу. Удовольствия никакого. Но когда твой клиент и вправду опаздывает, тут твои навыки управления автомобилем развиваются до восьмидесятого уровня. Чувства обостряются тысячекратно. Глаза фиксируют каждую тень,

мелькнувшую на обочине, каждый ухаб впереди. Мозг с компьютерной точностью высчитывает расстояние до светофоров, чтобы, не дай Бог, не остановиться на красном. Проносишься сквозь перекрёстки, будто ты одно целое с городом, его кровь или лимфа, и зелёный, мигающий подобно сокращениям сердечной мышцы, с устрашающей силой выталкивает тебя в очередную аорту проспектов и улиц. Твои руки становятся придатком автомобиля, его неотъемлемым механизмом, как коленчатый вал или помпа. Левая вцепилась в руль управления, правая в шаманском экстазе кружит над рычагом. Четвёртая, пятая, нейтралка, четвёртая, пятая. Замысловатому танцу рук вторят ноги, выжимая педали. Всё чаще стрелка тахометра подползает к четырём тысячам. Мотор нахально ревёт, содрогаясь в экстазе газораспределительных взрывов. И каждый из них через ладони, через ступни ног передаётся твоему телу, вибрирующему, как струна, в один такт с машинным.

Я мчался по городу, как доставщик суши восьмого марта, и женщина на заднем сиденье притихла. Она сама была уже, верно, не рада, что попросила меня поспешить. Но поезд не ждал её на перроне, и остановить она меня не решилась. Похоже, на вокзал ей нужно было кровь из носу. Какой-то вопрос жизни и смерти. Как это часто бывает.

С Тараса Шевченко я залетел на улицу Пушкина. Здесь меня вовсе ничто не держало. Дорога прямая, точно её укладывали по компасной стрелке, и светофоры настроены таким образом, что, угадав с одним перекрёстком, остальные ты получаешь в качестве бонуса. По ночам машины летали по Пушкина как по автобану. И сейчас, выжав сто десять, я с удивлением обнаружил, что кто-то обошёл меня как стоячего. Я зацепился за гонщика, но мне катастрофически не хватало мощности. Мотор соперника гудел, как у реактивного самолёта. Казалось, он и вправду решил взлететь в небо. Я гнался за ним, набирая стремительно скорость, но гонщик всё равно от меня уходил. «Чайзер» с трёхлитровым движком. Против него у меня не было шансов.

— Идёт сто пятьдесят, — сказал я пассажирке.

В ответ она только прокашлялась. Тихонько, как мышка.

Я оставил позади улицы Вяткина и Щетинкина, пересёк Карла Маркса и, заложив тошнотворный вираж, выехал на Привокзальную площадь. Пролетев сквер с памятником павшим солдатам, я ткнулся в бордюр. Да так сильно, что из-под правого колеса послышался хруст.

— Спасибо, — прохрипела женщина, выскочив из машины.

До чего же эпично она бежала! В одной руке два огромных пакета, во второй — сумка. И всё это лихорадочно билось о ноги, норовя свалить её на

тротуар. Вот бы мне хоть раз в жизни захотелось так куда-нибудь попасть.

Я зажёл свет в салоне. На переднем пассажирском сиденье лежала тысячная купюра. Ни одной складки, словно появилась тут по волшебству. Такую не грех положить под стекло, на долгую память.

5.

— Сит даун, плиз, леди.

— Спасибо, вы так любезны, мой герцог,— сказала жена.

— Ну что вы, мадам, это лишь малая толика того, что я действительно хотел бы сделать для вас.

Мы стояли возле машины и несли эту чушь. Я держал дверь а ля столичный фронт образца одна тысяча восемьсот двадцать первого года, пока жена устраивалась на переднем сиденье. Живот у неё был размером с баскетбольный мяч. Слово его надували шесть месяцев и скоро должны были забросить в кольцо. С таким обременением даже обычные вещи, как, например, посадка в машину, делались трудновыполнимыми миссиями, по которым прямо сейчас снимают голливудские блокбастеры с Брюсом Уиллисом и Джоном Траволтой в главных ролях.

— Подарите мне тогда бриллиантовое ожерелье.

— Бриллиант—это камень. А их носили неандертальцы во времена динозавров. закажите лучше себе украшение из зубов льва, чтобы совсем походить на пещерного человека.

— Фу-у. Я думала, вы настоящий герцог.

— Я и есть герцог, мадам. С прогрессивными взглядами.

— Вы просто нищий, вот кто.

— Увы, мадам. Но именно нищета и ниспосылает нам мудрость.

Несуветная глупость, конечно. Но мы так придурились. Брачные игры и всё в этом духе. Жена у меня юморная. Причём ей было не обязательно что-нибудь говорить, чтобы я вдруг расхохотался, как умалишённый. Умилительная. Пожалуй, лучше про неё и не скажешь. Этаким маленький лесной зверёк с гладкой шёрсткой и большими глазами-прожекторами, которыми она светила во тьме. Ничего не поделаешь, жизнь в лесу—сложная штука, и ночью нужно видеть как днём. Эволюция в чистом виде.

Стоило просто заметить, до чего потешно у неё округлялись глаза, когда она удивлялась или была чем-то захвачена, и двадцатиминутный приступ хохота вам обеспечен. За это я прозвал её Лупоглазом. Каждый месяц я давал жене в среднем по одному прозвищу. Со временем многие из них выходили из обихода, другие привязывались надолго. Никаких зайчиков, кисок, собачек и прочей вызывающей аллергию живности. До такой посредственности я никогда не позволил

бы себе опуститься. Киска! Какая вульгарность... Сколько кисок обитает на улицах Абакана—не сосчитаешь. Это как если бы женщины всего мира ходили в одинаковых платьях. Из-за этого можно и устроить скандал. За киску—неделя без секса, за зайца—развод. Ну а за крокодила и вовсе смертная казнь, без права помилования.

В общем, мы с женой сели в машину. В свой выходной я решил свозить её в кинотеатр. Я сразу почувствовал что-то неладное, когда опустился на кресло. Из-под правого колеса послышался враждебный металлический хруст. А когда, прогрев двигатель, я тронулся с места, этот хруст стал повторяться при каждом повороте руля. Всё внутри меня обмерло. Сломался не автомобиль, а я сам, и Бог его знает насколько серьёзно.

— Милый, что это за звуки?—спросила жена.

— Не знаю!—произнёс мрачно я.

С герцогом было покончено. И судя по всему—навсегда. За один краткий миг я миновал декабристов, Октябрьскую революцию, нашествие немцев и кукурузу Хрущёва.

— Будто вот-вот отлетит колесо.

— Не думаю, что это действительно может случиться.

— И тем не менее по звуку очень на это похоже.

День был безвозвратно испорчен. Фильм я смотрел с каменным выражением лица, не следя за сюжетом. А после сеанса отвёз жену к дому и покатыл в мастерскую.

— Капец правой шаровой,—произнёс мастер.

— Много с ремонтом возни?

— Да нет, минут двадцать, не больше,—произнёс беззаботно мужчина, вылезая из ямы, на которую я, как на операционный стол, загнал свои «Жигули».

Для него это было плёвое дело. Он был привыкшим, ясное дело. Как хирург, каждый день отрезающий людям кучу конечностей.

— Сходи в магазин за запчастью. А я пока сниму неисправную.

— Хорошо,—сказал я.

Вечно я говорил «хорошо», когда хорошего ничего не было.

6.

— Вот бабы дуры.

— С подружкой, что ли, поссорился?—спросил я пассажира.

— При чём тут подружка? Я вообще говорю. Видел бы ты, сколько к нам приходит баб за обналичкой маткапитала! Каждый день по двадцать-тридцать мамаш. Знаешь же фирму «Женское счастье»?

— Не знаю. Но продолжай.

— Да оно и не важно. Главное, что обналичивается лишь часть суммы. Но это никого не останавливает. Бабам позарез нужны бабки. И куда они их, по-твоему, тратят? Всё до последней копейки

спускают на водку. Ещё мамами называются, курицы. Что за большое поколение, а?

При этих словах он достал телефон и принялся фотографировать всё, что попадалось ему на глаза. Мой бардачок с иконками православных святых, гипермаркет, который мы проезжали, припаркованные у тротуара машины. Когда же его фантазия иссякла, он принялся крутить телефон в руках, как игрушку. Казалось, он просто не может сидеть спокойно на месте.

— «Сони Эриксон». Старенький, но камера охрененная. Шесть мегапикселей. Есть стабилизатор, вспышка и все дела. Фотает лучше профессионального оборудования. Вот, зацени.

Телефон был безбожно затёртым, словно по десять раз на дню кочевал из кармана джинсовых брюк в ломбард и обратно. На крохотном экране фотографии выглядели как иконки на рабочем столе Windows XP. Но мой пассажир с невозмутимым видом листал их одну за другой. Вот кто-то жарил шашлык на берегу озера, потом возник некто в кепке с золотыми зубами, и, наконец, моему вниманию предстал групповой снимок: ребята в спортивной одежде обнимали друг друга на фоне железнодорожного вокзала.

— Чисто из-за камеры его и держу. Иначе бы давно поменял. Постоянно по работе гоняют: сними то, сними это. Сегодня отправили заснять дом. Клиенты отдают его нам в залог.

— Вам в «Женское счастье»? — спросил я.

— А чему ты удивляешься? Нужно же как-то крутиться.

Вскоре мы были на адресе. Дом оказался старым покосившимся зданием с облупившейся краской. Завалившийся набок забор подпирало несколько прогнивших брусков. Дунь в его сторону — и вся постройка завалится к чёртовой матери. Но пассажир, выбравшись из автомобиля, принялся деловито фотографировать ветхую собственность, то приближаясь к дому, то отходя от него на почтительное расстояние для лучшего ракурса. Сделав несколько снимков, он уверенно залез рукой в разбитую форточку. По всей видимости, с той стороны на подоконнике что-то лежало. Спрятав находку в карман, клиент скорым шагом направился в мою сторону.

— Двигаем, — сказал он, оказавшись в машине.

Я тут же дал по газам, а клиент продолжил упражняться в своём ремесле. Он снимал пешеходов, снимал голубей и перистые облака. На одном из светофоров возле нас остановился «Марк II». Из открытых окон била громкая музыка. Что-то про стрельбу на ночных улицах и продажных ментов. Водитель, молодой парень в балахоне, слушал трек с окаменевшим лицом вождя североамериканских индейцев. Было впечатление, что буквально минуту назад он выкопал из земли топорик войны.

— Какой серьёзный молодой человек, — произнёс пассажир.

И сфотографировал его на свой телефон.

Несколько минут спустя мы подкатили к строящейся многоэтажке. У забора из рифлёного металла гнил древний «Скайлайн». Со спущенными колёсами и разбитыми фарами. Пассажир принялся фотографировать и его. Он обошёл машину несколько раз, щёлкая её с разных углов, будто хотел выставить на продажу. Потом дёрнул переднюю дверь и, забравшись внутрь, зашарил по салону руками. Да он затаривался на неделю, не меньше. Видимо, хотел устроить себе праздник души, обкурившись до поросычьего визга.

— Тачка — просто огонь, — вернувшись, заговорил он, пока я вырुливал на проезжую часть. — У меня самого когда-то такая была. Двести пятьдесят на ней шлёпал по трассе — и хоть бы хны.

— Да, жаль «Скайлик».

— Руки бы оторвал людям, которые...

В следующий миг пассажир выскочил из машины. Скорость была небольшая, я как раз притормаживал у светофора. Он выскочил и побежал что было дури. С прямой, словно доска, спиной и методично работающими в такт друг другу конечностями. Каждый шаг переносил его сразу на три метра вперёд. Не бег, а прыжки в длину, как на соревнованиях по лёгкой атлетике. Через металлическое ограждение тротуара высотой с третьеклассника-переростка он перепорхнул, даже не шаркнув ногами перил. Лишь чуть-чуть покачнувшись при приземлении, но, элегантно поймав равновесие, ринулся во дворы ещё неприуждённое, чем прежде. Если бы он не торчал мне три сотки, я б на него засмотрелся. Честное слово.

Воткнув машину в ближайший карман, я побегал следом. Но мои мышцы занемели от долгого сидения за рулём. Через ограждение тротуара, которое у пассажира не вызвало никаких трудностей, я перевалился словно мешок с картошкой и, тяжело плюхнувшись на асфальт, захромал дальше.

Клиент тем временем уже сворачивал за угол. — Стой, стреляю! — прокричал я в отчаянии.

Когда я забежал во двор, там уже никого не было. Я рванул по пешеходной дорожке между домами, ещё смутно надеясь поймать беглеца, но то ли он скрылся в одном из подъездов, то ли знал тайную лазейку на улицу. Во всяком случае, когда я выбежал на проезжую часть с противоположной стороны жилой зоны, след пассажира простыл.

Я лихорадочно крутил головой во все стороны. Улица шла с юга на север, нигде не сворачивая, и просматривалась, наверное, на километр в обе стороны. Я упустил его, это понятно. И никому вокруг не было до этого дела. Никто не кричал: «Я его видел, он побегал направо. За ним». Всем было плевать на меня и мои деньги.

— А я думала, таксисты уже на развалюхах не ездят,— заявила богатая дамочка, усевшись в машину.

На ней было платье из фирменного бутика и причёска, напоминавшая Пизанскую башню, вокруг которой выросли Альпийские горы. Надушена, как сам дьявол из ночного кошмара Кристиана Диора.

— А я думал, у британской королевы есть свой личный водитель.

— Безобразие,— не оценив юмора, продолжала она.— Едешь словно в консервной банке. И бензином воняет, как на заправке. Мы хоть до места доедем или развалимся по дороге?

— Доедем. Терпеть ваше общество, пока вас заберёт другая машина, я не собираюсь.

На какое-то время женщина замолчала. Но я слышал, как она вздыхала на заднем сиденье. Это было ужасно. Она вздыхала на каждой кочке, на каждом светофоре, где мы останавливались. На нервы это действовало просто убийственно. Понятное дело, я пропустил поворот. Когда ты везёшь нервную бабу, у тебя обязательно пойдёт что-то не так.

— Куда вы меня повезли? Вот же был перекрёсток,— еле сдерживая себя, чтобы не перейти на крик, зашипела фригидина. Видимо, она только и ждала чего-то подобного.

— Там сейчас пробки. На следующей улице будет быстрее.

— Послушайте, я всегда езжу этой дорогой, и никаких пробок на ней никогда не бывает.

— Это потому, что вы не ездите другой улицей.

— Что же вы мне говорите такое? Да я город лучше вас знаю. Всего три светофора—и мы были б на месте. А теперь придётся толкаться по переулкам. Там же сейчас не продохнуть. Время обеденного перерыва.

Спорить с ней желания не было. Но, видит Бог, не я начал первым.

— Я проезжаю этой улицей раз двадцать на дню и знаю, что делаю. Вы бы сначала доехали, прежде чем говорить.

— Зачем мне доезжать? Я и так знаю, что на этой улице пробки.

— Ну и где же они?— воскликнул я.— Где?

Этот последний мой довод несколько выбил женщину из колеи. Ибо улица, по которой мы ехали, против обыкновения действительно была абсолютно свободной. Однако вместо того, чтобы заткнуться, пассажирка снова принялась обсуждать техническое состояние моего автомобиля. — Понаберут развалюх и идут работать в такси, лишь бы сэкономить на комфорте клиентов. Ведь явно передвигаться на этой машине опасно. Вспыхнет того и гляди, или колесо оторвёт. Вы хотя бы показывали свой автомобиль, когда устраивались на работу?

— Дамочка, звоните в такси премиум-класса, раз так заботитесь о своей безопасности! У них одни интарки.

— Безобразие. Работает в одной фирме, а рекомендует другую.

— Рекомендую, потому что знаю: вы скорее удивитесь, чем поедете по их ценнику. Не жгите мне нервные окончания. За семьдесят рублей вам «Мерседес» никто не подгонит.

Не знаю, вцепилась бы она мне через пару минут в волосы или нет, но, слава богам, мы были на адресе. Дамочка молча протянула мне сторублёвку. Но если вы думаете, что её молчание было золотом, вы ошибаетесь. Даже с закрытым ртом она действовала мне на нервы. Воздух вокруг неё вибрировал, как вблизи трансформаторной будки. Честное слово, я никогда так не радовался, что у меня есть мелочь на сдачу.

— Что я вам говорила?— победоносно сказала она, подойдя к моей двери.— У вас заднее колесо спущено. Просто чудо, что мы доехали досюда живыми и невредимыми.

Нет, видно, наш мир окончательно погряз во зле и несправедливости, раз подобные этой женщине люди в конце концов всегда побеждают. Колесо было действительно спущено. Не знаю, быть может, моя машина готовила идеальное убийство. Что-нибудь в духе фильма ужасов «Пункт назначения». Шина спускалась, автомобиль накренился, женщина вываливалась из неожиданно открывшейся двери, и тут по ней на всей скорости проезжал многотонный Белаз. Но дамочка вышла быстрее, чем цепочка коварных случайностей успела оформиться в смертоносный финал. Мне же теперь, ко всем бедам, предстояло менять покрышку. На тридцатиградусном солнцепёке, под раздражающий душу аккомпанемент диктуемых диспетчером заказов.

— Мальчики, Тельмана, сто восемьдесят пять.

— Чёрт, это же совсем рядом,— матерился я, остервенело срывая баллонником гайки.

— Некрасова, тридцать один «А».

— Шесть-два заберёт.

— Шесть-два. Принято. Крылова, семьдесят девять.

— Оставляй за два-восемь, красавица.

— Два-восемь, заказ за тобой.

Она словно играла в морской бой, обстреливая соседние клетки.

Наконец, она жახнула прямо по тому месту города, где я менял шину.

— Ивана Ярыгина, пятьдесят восемь.

— Да что же это такое?— подскочил я, буквально вырвав с проржавевшего барабана спущенное колесо. Да так, что машина грозно качнулась, едва не свалившись с домкрата.

Оставалось прикрутить лишь запаску. Я орудовал баллонником быстрее, чем вращался электрический гайковёрт. Даже пыль поднялась с асфальта.

Закрутившись воронкой, она полетела куда-то в сторону Соединённых Штатов Америки. Вот они удивятся, когда через два дня ни с того ни с сего над их западным побережьем разразится торнадо. — Шетинкина, сорок восемь, — слышался голос диспетчера.

Я запрыгнул в машину и нажал на гашетку.

Из подъезда, перекрывая певшего по радио Шевчука, слышался душераздирающий вопль. Таким воплем, наверное, ещё первобытные люди отпугивали от своих пещер саблезубых медведей. Меня продрало морозом по коже от одной мысли, что это кричит пассажир.

И как в стельку пьяным людям удавалось только вызвать такси? Ведь это достаточно трудоёмкая операция. Если не верите, я мог бы вам рассказать обо всех тех клиентах, которые отправляли машины к соседним домам или подъездам, путали пункт назначения с адресом, откуда их нужно забрать. Некоторые ошибались городами. Один раз, например, я битый час искал пассажиров, которые заказали такси из Нижнего Новгорода. И всё это трезвые люди. Пьяные до белой горячки, к сожалению, ошибались критически редко.

Вопль повторился опять, на этот раз ближе. Кто бы ни подал эти страшные звуки, он целенаправленно спускался по лестнице, явно намереваясь выйти на улицу. Я неотрывно следил за металлической дверью подъезда. Какое-то время стояла зловещая тишина. Потом раздался удар. Что-то бахнуло в дверь с другой стороны, как таран. Удар был внушительной силы. Дверь широко расворилась и тут же, увлекаемая пружинами, возвратилась обратно, со звоном церковного колокола стукнувшись о косяк.

— А-а-а, — закричал кто-то с той стороны.

Очередной мощный удар распахнул дверь настежь, и я смог разглядеть вопящего человека. Им оказался лысый мужик в серых трико и майке. Он стоял на четвереньках, крепко вцепившись жилистыми руками в бетонный порог. По его голове текли струйки крови.

— Ё... твою мать, — проорал он, пока дверь, исчерпав сообщённое ей ускорение, совершала движение в обратную сторону. — Порву на ремни, суки. Отвечаю, ё... на в рот.

Выставив левую руку вперёд, мужик остановил дверь. Затем, опираясь на три конечности, принялся пролазить наружу, выполняя какие-то скачкообразные движения телом. Выглядело это всё как новая олимпийская дисциплина, крайне зрелищная и экзотическая.

Оказавшись наполовину на улице, мужик расставил широко ноги и начал подтягиваться на ручке двери. Но дверь была ненадёжной опорой. Она норовила отстраниться всё время в сторону, опрокинув мужика на асфальт. Однако тот, видимо, был

подготовлен. Он балансировал на ногах, упорно держа равновесие. Иной раз дверь распахивалась так широко, что мужик вытягивался по струнке в попытке её удержать. В конечном счёте он прижал дверь к стене дома и, огласив окрестности своим неменяемым воплем, с усилием поднялся на ноги. — Такси! Такси! — проорал он, не отпуская дверь, как спасательный круг.

Повернув ключ в замке зажигания, я выжал сцепление.

Из подъезда тем временем вышли ещё двое пьяных типов. Таких же красивых, как первый. Один — с огромным, в половину лица, синяком, второй — в разодранной на лоскуты летней рубашке.

— Эй, подожди, а! — промычал избитый мужик. — Пльвите дальше, — сказал я, дав по газам.

Справа от меня стояли припаркованные автомобили, слева тянулись клумбы с геранями и отцветшей сиренью, прямо по курсу же, еле передвигая ногами, шлёпала древняя бабка в разноцветном халате. Вокруг неё разыгрывалась ещё никем не изданная драма Шекспира, а она этого не осознавала, погружённая в свои мысли.

Я засигналил, но она даже не вздрогнула.

Я ехал, буквально наступая старухе на пятки, а за мной гнались трое разъярённых типов. Укради у них деньги, попользуй их женщину, отбери выпивку — они бы пришли в куда меньшее негодование, чем сейчас. От них уезжало такси! Ещё никто так не гадил им в душу.

Они бежали, спотыкаясь на каждом шагу. Редкое зрелище. Бег через препятствия на сто метров, воспроизведённый в замедленной съёмке. Был момент, когда тип с синяком на лице чуть было не забрался в машину. Он уже открыл заднюю дверь, приготовившись нырнуть внутрь, но тут, видимо, не совладав с настигшим его головокружением, резко изменил направление движения, как подбитый зенитным огнём самолёт, и, отбежав в сторону, грохнулся в клумбу с цветами. Вскоре с дистанции сошёл и тип с окровавленной рожей. Споткнувшись о высокий бордюр, он плюхнулся задом в жёлоб сточной канавы, да так и остался в ней с задранными кверху ногами.

Теперь за мной гнался только мужик в драной рубашке. Приблизившись к машине вплотную, он принялся требовательно бить рукой по багажнику, надеясь, по всей вероятности, достучаться до моего здравого смысла.

— Стой, — прокричал он. — Сука, стой.

Я резко надавил на педаль тормоза. Машина встала как вкопанная, мой же преследователь, не ожидавший такого манёвра, со всего маху наскоки на багажник, ударившись головой о капот, и медленно повалился на землю.

Старуха наконец-то свернула с дороги. Я выжал газ в пол, юркнув за угол дома, в надежде вырваться со двора. Но меня ждал сюрприз. Кто-то

предусмотрительный перекрыл проезд бетонными блоками, выкрашенными в красные полосы. Выматерившись, я включил заднюю скорость. Да так, что машину вышвырнуло из проезда к чёртовой матери. Раздался удар. Мою голову рвануло назад, вдавив в подголовник. Клацнули зубы. Во рту появился солоноватый вкус крови. Гараж! За каким лешим ты тут стоишь? Я снова выжал сцепление, решив, если потребуется, раздавить сукиных сынов, сколько бы лет мне потом за это ни дали.

— Ну, гондоны, п... да вам,— прошипел я.

Я рванул с места, целясь аккуратно в типа с окровавленной рожей.

Пьянчуги отпрыгнули прочь за мгновение до того, как я пронёсся мимо на скорости шестьдесят пять километров в секунду. Я даже не взглянул на них в зеркало заднего вида. Плевать. Пусть бы даже они расшибли свои безмозглые головы и теперь умирали, дёргаясь в предсмертных конвульсиях возле жёлтых гортензий. Любой суд присяжных меня оправдал бы, отпустив на свободу с овациями.

Вылетев со двора, я остановился осмотреть повреждения. Всё во мне kloкотало, как в адском котле. Но на машине не было ни царапины. Только чуть-чуть погнуло кронштейны крепления бампера.

Считай, тюнинг, навроде заниженной посадки и спойлера.

Не прошло часа, как у меня начались вновь проблемы.

Грёбанные беляши, купленные в ларьке у узбеков. В животе так бурлило, что, наверное, было слышно на мкс. Космонавты приняли эти звуки за сигналы инопланетян. Завтра новость разлетится по всему миру. Аудиозапись моей перистальтики воспроизведут в эфире таких телеканалов, как CNN, Russian today и «НТВ». В программе о паранормальных явлениях.

Я выполнял заявки одну за другой, а волнение внутри нарастало, пока в конце концов у меня не начало срывать днище. На клапан давило, будто я проглотил перед этим пудовую гирию. Позывы то отпускали, то накатывали с новой силой, и каждый раз, когда мне легчало, я отправлялся по очередному заказу, чтобы потом, с выпученными от натуги глазами, с перекошенным от напряжения лицом, нестись по городу сломя голову, спеша высадить клиента прежде, чем облажаться.

Вот в какие моменты начинаешь звереть от российских дорог. Нет, правда, у них существует только два агрегатных состояния. Первое—отвратительное по причине того, что асфальтовое покрытие последний раз обновлялось в середине позапрошлого века. И второе—опять отвратительное, потому что ремонт дороги производился

прямо сейчас, в эту минуту. Третьего состояния в природе было не зафиксировано. Господи, даже незначительную выбоину я замечал за километр. Она надвигалась на меня, как цунами. Я покрывался холодной испариной от напряжения, прислушиваясь к своим ощущениям. Мамочки родные! Чтобы не тратить драгоценные силы, я просто зажмурился. И там, в бурлящей пищеварением темноте, меня подбрасывало на неровности в воздухе вместе со взбесившимся в кишках цирком и потом жёстко опускало обратно, встряхивая это всё, как коктейль.

Удар, настоящий удар кулаком изнутри чудовищной силы. Дерьмо наваливалось на сфинктер всей массой. Не единожды мне казалось: всё кончено. Шоколадный батончик вылез из-под обёртки. И только невероятным усилием воли, сжавшись до размера пятирублёвой монеты, я запихивал его внутрь, как яблоко в новогоднюю утку.

«Последний заказ—и домой, на толчок»,—обещал я себе, переведа дух. И снова мчался за пассажирами.

Тут-то ко мне и села троица пьяных рабочих.

Пока один поджидал меня у дороги, остальные лежали в высокой траве, прямо за пригорком из стеклянных бутылок и кирпичей, полностью сливаясь с ландшафтом. Я заметил их только после того, как державшийся на ногах тип поставил в салон кейс с перфоратором—дорогушим Makita, скрывшись с которым, я вполне мог пойти по статье.

— Смотри, дружище, не уезжай никуда. Я оставил у тебя инструмент,—сказал он, отправившись поднимать спящих товарищей.—Серёга! Димас! Просыпайтесь, карета подана!

— Мы никуда не поедем, Толян,—пьяно промывчало друзья.

— Рота, подъём, говорю.

— Езжай, Толян, мы останемся.

Солнце светило вовсю, неподвижное, точно плаха, а я изо всех сил сжимал булки. Я был обессилен борьбой, всё равно что тунец на крючке у папаши Хемингуэя, но пьяный рабочий всё никак не мог разбудить собутельников.

Подняв одного, он брался за следующего, но пока ставил второго на ноги, первый медленно опускался на землю, снова растягиваясь на траве. После трёх безуспешных попыток мужик решил изменить тактику. Он поднял Димаса, невысокого, по-цыгански смуглого парня, и, отряхнув его от земли, повёл в мою сторону. Парень спал на ходу. Толян закинул друга на заднее кресло и двинулся за Серёгой, чтобы повторить операцию.

— Ну и отъели вы задницы, сукины дети,—усевшись на переднее место, произнёс он.

— М-м-м?—послышалось сзади.

— Говорю, за такси деньги давайте.

— Сколько?—покорно спросил друга Димас.

— По сто пятьдесят с рыла.

Позади началось ленивое шебаршение. Серёга давил мне в спинку коленом, пытаясь просунуть руку в карман джинсовых брюк. Адская мука. Как у дьявола на пыточном кресле. Но отстраниться вперёд я не мог. Пудовая гирия снова давила на сфинктер. Да так, что пот прошиб тело.

— Куда ехать?— простонал я.

— Димас, ты где сегодня ночуешь?— поинтересовался Толян.

— Я не знаю,— печально ответил Димас.

— Ко мне точно нельзя. У меня дома целый вывосток баб. Нарожал на свою голову. Теперь и шагу не сделаешь, чтобы ненароком не наступить на чьи-нибудь трусы или куклу. Эй, Серёга, слышишь меня?— прокричал он так, словно Серёга сидел на дальнем конце стадиона.

— Да.

— Димас поедет сегодня к тебе.

— Машка будет орать.

— Не сожрёт тебя твоя Машка. А Димас даже заплатит. Так ведь, Димас? Заплатишь Серёге?

— Заплачу,— снова покорно ответил товарищ.

Похоже, он был согласен на всё. Я и сам уже был готов кому-нибудь здесь заплатить.

— Машка будет орать,— не унимался Серёга.

— Подкаблучник.

— Кто?

— Дед Пихто, ё... твою мать,— ответил с досады Толян.

От нечеловеческого напряжения на глазах у меня выступили слёзы, а в ушах зазвенело. Ещё немного—и у меня мог лопнуть сосуд в голове. Кровоизлияние мозга—это не шутки. Я боролся за жизнь, а придурки в машине никак не могли определиться, куда им сегодня пристроить Димаса.

— Ладно,— сказал примиряющим тоном Толян,— пока что съездим за пивом, а там порешаем, как дальше быть. Эй, на галёрке, вам пиво взять? Слышите? Или уснули?

— Бери,— ответил Серёга, будь он неладен.

— Бери,— буркнул Толян.— А вы бабки дали, чтобы я взял?

Сзади снова началось шебаршение. Всё повторялось, как циклы истории. И я находился в самом центре этого проклятого круга событий. Как князь Болконский на Бородинском сражении.

Семь минут ушло на покупку трёх литров «Джоя», ещё пять минут—на проведение референдума «Где ночует Димас», и целых двадцать минут я прорывался по вечерним заторам в четвёртый микрорайон, к дому Серёги. Я проклял все деньги мира. Честное слово. Уж слишком тяжёлым трудом они доставались. А ещё я снова и снова задавался вопросом: «Почему, чёрт побери, при нынешнем уровне развития технологий человечество до сих пор не изобрело летающие автомобили?» Ни светофоров, ни геморроидальных колец, проехать

которые в час пик сложнее, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко. Я ехал в потоке, переключаясь с первой скорости на нейтральную и обратно, и посылал чуму на нефтяников, упрямо лоббирующих свои антигуманные интересы в ущерб свободному развитию человечества.

— А теперь Павших Коммунаров, шестьдесят девять,— сказал Толян, когда его друзья вышли.

Я снова влился в автомобильный поток, тянувшийся, казалось, до самого края земли, когда началась исповедь. Толян устал. Устал возиться с напарниками, этими беспробудными алкашами. Трудно поверить, но Димас был когда-то боксёром. Теперь он обычный пьянчуга. Он развёлся, лишился квартиры, машины и даже водительских прав. И всё это за каких-то полгода. Толян устал учить его жизни. Но больше всего он устал ишачить. У него три дочурки. И старшая уже в возрасте, когда на день рождения просят не куклу, а новый айфон. Весь его месячный заработок меньше стоимости телефона, а ведь дочерей ещё нужно кормить, поить, одевать, собирать в школу, покупать украшения, тампоны и памперсы. Четырнадцать лет он работал без отпусков. И за всё это время нажил гастрит и четыре кредита.

Грустно, конечно. Но меня эта история совершенно не трогала.

— Остановись-ка вон у того магазина. Куплю, пожалуй, чекушечку водки,— прервал Толян свой монолог.— Завтра как-никак выходной. Имею полное право нажраться.

Я чуть не взвыл от отчаянья.

— Смотри, только дождись. Я оставил у тебя инструмент.

И я не выдержал. Видно, у меня дрогнул глаз или скула, как бывает, когда надежда всей твоей жизни рушится, и этой малости было достаточно, чтобы в моей обороне появилась узкая брешь. В общем, я бросился в магазин вслед за клиентом и, пробежав торговый зал, вломился в подсобку.

— Молодой человек, сюда нельзя!— проорала полная девушка, загораживая мне проход, заставленный коробками из-под товара.

Я налетел на неё, как игрок регби на чужого игрока регби.

— Где у вас туалет?— проорал в ответ я.

Вид у меня, похоже, был ещё тот, потому что девушка обомлела.

— Там,— указала она рукой куда-то в конец коридора.

Я метнулся вперёд. Я словно нёс в решете воду, надеясь доставить домой хотя бы на доньшке, а эта чёртова дверь оказалась закрытой. Я лихо радочно дёргал на себя ручку, вырывая дверь с косяком, пока, наконец, меня не осенило, что она открывается внутрь. Вот до чего я дошёл!

— Парень!— услышал я вечность спустя, идя по торговому залу.

Я обернулся. Две девчонки, еле борясь со смехом, показывали мне пальцами на задницу.

— У вас там бумага прилипла.

Я провёл ладонью по джинсам. Так и есть. Ключок туалетной бумаги болтался у меня на штанах, заправленный под ремень, как рубашка. Если бы я не был так сильно измотан, то, верно, смутился бы. Но не сейчас. Я бросил бумагу в коробку для чеков. Теперь этот уголок магазина выглядел как инсталляция современного искусства в какой-нибудь Третьяковке.

— Спасибо,— произнёс я.

Девчонки прыснули смехом. Одна из них, схватив подружку под локоть, потащила ту в глубину торгового зала, куда-то в отдел собачьего корма и памперсов. Там они захохотали во всю силу лёгких.

Поздним вечером я стоял на парковке у «Наутилуса», ожидая, когда люди ломанутся с сеанса. Мне нравилось прохладиться возле кинотеатра. Хлебное место. Взять пассажира здесь было значительно легче, чем вырвать заявку по рации. И, в отличие от вокзалов и торговых центров, куда я уже пытался залезть несколько раз, кинотеатр не был поделён между бомбилами. Ты мог спокойно тягать клиентов одного за другим, и никто не подошёл бы к тебе с просьбой исчезнуть подобру-поздорову.

Я сидел в машине, любясь афишами кинофильмов, уверенный, что неприятности на сегодня закончились. И тут откуда-то из подворотни ко мне вышел тип в замызанной куртке.

— Закурить не найдётся?— произнёс он.

Я молча протянул сигарету, дав подкурить.

Но тип стоял и не уходил, уставившись на меня немигающим взглядом. Я никогда не видел подобного. Казалось, в его глазах тушили окурки. Вместо зрачков у него зияли чёрные дыры с рваными кромками.

— Латинский язык,— вдруг сказал он серьёзно.

— Какой латинский язык?

— Всем встать. Началась лекция. Выйти из аудитории.

— Ты в своём уме, дядя?

— Индоевропейская семья, италийская ветвь. Германский язык, итальянский язык, английский язык, румынский язык, восточно-романские языки Балканского полуострова.

Рука сама потянулась к замку зажигания, но ключа там не оказалось. Незадолго перед появлением сумасшедшего я выходил из машины размяться, а когда вернулся—оставил ключ в кармане джинсов. Теперь это обстоятельство выходило мне боком. Приготовившись к тому, что мужик вцепится зубами мне в горло или что-нибудь в этом духе, я сжал кулаки. Копаться в штанах в столь напряжённый момент я посчитал неблагоприятным.

— Тишина, когда я разговариваю. Всем встать.

— Дядя, плыви отсюда, понял?

Похоже, мне читали лекцию. В двенадцатом часу ночи. При этом на небе светила луна в полной фазе. Учёная жуть, да и только.

— Выйти из аудитории.

Неожиданно тип развернулся и пошёл прочь. Я провожал его совершенно ошарашенным взглядом. Наконец, достав ключ, я завёл двигатель и сдал задом с парковки, чуть было не протаранив такси конкурирующей фирмы.

На сегодня с меня было достаточно.

7.

— Привет, Алексей.

— Здорово, Рома. Здорово. Рад тебя видеть.

Мы пожали друг другу руки. Большой и мягкий, как плюшевый медведь, Рома расплылся в лучезарной улыбке. Он улыбался, словно ребёнок, впервые увидевший рассвет. За это я его и любил. Мы учились на параллельных курсах филфака в моей прошлой жизни. И он единственный, кто не осудил моего решения бросить учёбу. А это о чём-нибудь да говорило.

— Чем сейчас занимаешься?— спросил я, провозжа друга на кухню.

В неприспособленном им целлофановом пакете звенели пивные бутылки. Ради приезда товарища я решил выкроить выходной.

— Торгую,— произнёс Рома загадочно.

— И чем? Неужели минусинскими помидорами?

— Валютой. Акциями. Опционами. Всем, что котировается.

Надо же, Рома стал спекулянтom. Такой улыбочивый человек и вдруг занялся азартными играми. А ведь это преступность, долги и наркотики. Одним словом, скользкая тропка для порядочного человека.

— Это не казино,— угадав мои мысли, произнёс он.— Там всё по-честному, никакого обмана. Главное, знать механизмы, по которым функционирует рынок, и уметь вовремя выйти.

«Механизмы», «функционирует»! Я не узнавал друга.

— Я сейчас тебе покажу.

Я не заметил, но Рома принёс с собой нетбук. Расстегнув чехол, он поставил компьютер на стол и нажал кнопку питания. На экране появилось окно с графиками. Выглядели они очень внушительно. Как крутейшая экономическая стратегия девяностых годов, к которой прилагались толстенный учебник по теории государства и «Капитал» Карла Маркса.

— Всё, что требуется,—определить тренд.

— Тренд?— недоверчиво переспросил я, отхлебнув пива.

— Направление движения котировки. Цена инструмента изменяется по определённым законам.

Например, золото сейчас явно находится в бычьем тренде. График дважды оттолкнулся от линии поддержки и сейчас стремительно движется вверх. Значит, его нужно брать.

Он говорил, а сам в это время чертил на графике замысловатые схемы. Они пронизывали котировки во всех направлениях и вскоре стали походить на паутину, в которой, подобно мухе, конвульсивно трепыхалась свеча. По всему выходило, что деваться ей действительно некуда. Любое движение только затягивало силки надёжней и крепче. — Ставим стоп-лосс, стоп-аут. И вперёд.

Торжественно улыбнувшись, он чокнулся со мной пивом.

— И что, мы уже выиграли?

— Не так быстро, мой друг. Не так быстро.

Я посмотрел на экран нетбука. На графике появились пунктирные красные линии. Если котировка дойдёт до нижней отметки, как пояснил мне товарищ, сделка автоматически завершится с убытком, сведя наши потери до известной заранее суммы. Если же котировка коснётся верхней разделительной линии — сделка закроется с выигрышем. Всё просто, как теория относительности. Можно открыть сделку, а самому преспокойно пойти мыть посуду или, скажем, сесть за баранку такси. Впрочем, лучше об этом не думать. Хватит с меня китайских шаровых и спущенных шин. Игроманию мой более чем скромный бюджет уже бы не потянул. — Рома, ты сколько денег поставил? — спросил я, разглядев в нижней зоне экрана колебания каких-то астрономических цифр.

— Тысячу долларов.

— Рома! — ошарашенно выдохнул я.

— Спокойно. Всё просчитано.

— Ты балбес. Это же целое состояние.

— Не думай об этом. Подобные мысли только мешают игре.

— Как не думать, Рома, чёрт тебя подери? Ты закинул тысячу долларов в какую-то мигающую хрень с цифрами. А вдруг брокер придумывает графики от балды и никогда не даст выиграть?

— Но пока что мы в плюсе. Сам посмотри.

Действительно свеча стремительно двигалась вверх. Котировка поднялась на двадцать пять пунктов за каких-то десять секунд. Ещё десять пунктов — и она коснётся линии стоп-лосса. В своём воображении я видел этот момент. И хоть деньги принадлежали Роме, мысленно я уже шёл в магазин за бутылкой «Хеннесси». Но тут неожиданно цена откатилась назад, всего за мгновение сожрав нашу прибыль. Секунда — и пламя спекулянтской свечи трепыхалось у самой отметки стоп-аута. Глупо, конечно, но я был уверен, что только напряжение всех моих внутренних сил не давало цене пересечь эту линию.

«Золотой кризис» продолжался долгие две минуты. После чего котировка так же неожиданно,

как перед этим упала, вдруг поднялась, затрепыхавшись ровно на середине пути от точки входа до верхней красной отметки. Я не мог больше этого выносить. Лучше бы на моих глазах кого-то пытали. Пусть даже Рому. Я перенёс бы это не моргнув глазом. Но тысяча долларов, буквально разрываемая на части явно садистки настроенной биржей, вот-вот могла довести меня до сердечного приступа. — Закрывай, — процедил я сквозь зубы.

— Рано, — прохрипел Рома.

Только теперь я понял, что ему тоже несладко. Он побледнел, а его гавайской расцветки рубашка словно только что побывала под тропическим ливнем — он истекал потом, как кровью.

— Твою мать, Рома!

Я рванулся к нетбуку, твёрдо решив прекратить это безумие. Но Рома вцепился в меня медвежьей хваткой. Я никогда раньше не видел на его добродушнейшей физиономии столько страдания и ничем не прикрытой готовности мне что-то сказать. Шутить с ним сегодня не стоило. Каждая пёра его стосорокакилограммового тела источала насилие, флюиды которого, смешиваясь с запахом пота, рождали убийственный аромат. Я боднул Рому головой в грудь, но это было всё равно что ударить подушку.

— Ладно-ладно, сдаюсь, — сказал я. — Отпусти.

— Ты больше не выкинешь глупостей?

— Нет.

— Обещаешь?

— Рома, мы же не в детском саду.

— Пообещай мне.

— Хорошо. Обещаю.

Его медвежья хватка тут же разжалась. Я распрямил затёкшие плечи. Где-то между лопатками оглушительно хрустнуло.

«Хрен с тобой, грёбанный игроман, — выругался мысленно я. — Мне вообще нет до всего этого дела. Проиграй хоть миллион долларов, я не моргну глазом». Однако стоило котировке вновь поползти вниз — и мне сделалось дурно. Я нервно присосался к бутылке. Вкуса пива я не почувствовал. И всё потому, что бутылка оказалась пустой. Вот до чего я дошёл! Я поставил пустышку на стол и сжал кулаки. Свеча на экране нетбука нервно мялась на месте, ни на что не решаясь. Как и миллионы невротиков по всему миру перед мониторами своих компьютеров. Они входили в сделку и тут же из них выходили, обременённые сотнями страхов. Страхом жизни и смерти, боязнью сглазов, полной луны, террористов и американского ядерного арсенала в Румынии. Движение котировки было прямым отражением людского психоза, с математической точностью показывающего чудовищную неуверенность истерзанной потребительскими идеалами человеческой души. Как-то так.

Я опять вцепился в бутылку, забыв, что в ней кончилось пиво. Но это уже не имело значения.

Котировка буквально взлетала вверх, перепрыгивая через пункты, как через ступени. Двадцать два пункта, тридцать и, наконец, тридцать шесть. Сделка закрылась. Я так и застыл с пустой бутылкой в руке. Облегчение, которое я испытал, было ни с чем не сравнимо. С меня будто сбросили двадцать тонн груза, отпарив перед этим хорошенечко в бане.

— Что я тебе говорил?—спросил меня Рома.

Актёр, блин. Старался показать, будто ему всё нипочём. Но я видел, как у него нервно подёргивался уголок правого глаза, а улыбка была такой робкой, что казалось—он что-то скрывает.

— Ты чуть не угробил меня, медвежья ты задница!— Я готов принести извинения, Алексей. Может, по пицце?

— Пиццы ты теперь будешь раздавать нищим на паперти вместо пятирублёвых монет. А мы с тобой пойдём сейчас за бутылкой «Хеннеси» и дальневосточными крабами.

8.

Из-под капота повалил белый пар.

Я взглянул на показания температуры двигателя—стрелка устрасяюще ползла в красную зону. Опять что-то накрылось. Каждую неделю в этой машине что-то ломалось. В ней было столько деталей, что не хватило б и жизни, чтобы их все заменить, даже если бы пришлось работать без выходных, с утра и до поздней ночи.

— Что случилось?—заголосили девчонки на заднем сиденье.— Почему мы остановились? Приехали, что ли?

— Сломались,—с нарочитой важностью сказала одна.

Почему-то это предположение вызвало у пассажира волну весёлого оживления. В салоне начался какой-то малопонятный сумбур. Девчонки елозили, шептались, перешихикивались и вообще вели себя так, словно случилась самая интересная штука на свете, которую они ждали всё лето.

— Ну вот, пешком пойдём дальше.

— А я с самого начала предлагала пройтись.

— И как я пойду? Я ведь на каблуках!

— Ну, можешь остаться. Помочь дядечке водителю с ремонтом машины.

— И не только с ремонтом.

— Фу, какие вы дуры.

Девчонки захохотали. Никогда ещё чужой смех не действовал на меня так раздражающе. Подобно скрипу гвоздя по стеклу. У меня даже задёргалась правая лопатка от нервного напряжения.

— Дядечка водитель, а мы что, дальше не едем?—спросила меня одна из девчонок.

— Нет,—мрачно произнёс я.

— Как будто и так непонятно, что нет.

— Откуда мне знать? Может, он сексуальный маньяк и остановился, чтобы нас изнасиловать.

— А ты этого только и ждёшь.

— Ты больная? Нет?

— Во всяком случае, не озабоченная.

— Так!—по-комсомольски звонко заорала самая справная из пассажиров.— Выгружаемся, девки.

— Правильно, правильно. Выгружаемся.

Я тоже выбрался из машины, открыл капот. Как я и предполагал, порвался ремень генератора. А до мастерской три километра, не меньше. Похоже, мне предстояло прорываться к ней с боем.

Дав мотору остыть, я тронулся с места, глуша машину на каждом грёбаном светофоре. Я ехал без света, чтобы сохранить заряд аккумуляторной батареи, почти не дыша, проклиная чёртовых пробки. Почему-то именно сейчас, когда время было особенно дорого, вокруг меня все безбодно тупили. Впереди материализовался ржавый «Ниссан» родом из восьмидесятых годов прошлого века, тащившийся со скоростью тридцать семь километров в неделю. Я включил сигнал поворота, но ехавшие сзади автомобилисты, заметив, что им преграждают движение, тут же шли на обгон, не давая мне ни малейшей возможности совершить свой манёвр. Поворотник моргал как придурочный. Но они обгоняли нас, не сбавляя скорости, и казалось, будто это мимо проносился товарный поезд длиной в пол-оборота Земли.

В салоне раздалось шипение. И тут же в ноздри ударило сладковато-приторным запахом охлаждающей жидкости. Я с ужасом бросил взгляд в сторону звука. Из-под бардачка струёй бил кипящий тосол, брызжа раскалёнными каплями. Стёкла машины вмиг затянуло масляной плёнкой. Похоже, она решила избавиться от меня, обварив в кипятке. Надоело, как проклятой, каждый день работать в такси. Она была живой, эта чёртова бестия, и характером как моя бывшая. А ещё очень умной. Она явно не хотела привлечь внимания лишних свидетелей.

Открыв форточку, я встал на педаль газа и, не глядя, перестроился в соседнюю полосу. Позади засигналили, я чуть было не устроил аварию, но мне было плевать. Разогнавшись до сотни, я пролетел несколько светофоров на красный и свернул к мастерской.

— Тебе какой ремень генератора? Зае...тельский или хороший?—спросил меня полчаса спустя уже хорошо знакомый продавец запчастей, наливая чашечку кофе.

— Давай зае...тельский.

— А сахару сколько ложек? Забыл. Две или три?

9.

Следующим утром я отправился к Игорю.

У него была своя ООО-шка, и я надеялся, что он поможет мне со справкой для банка. Чтобы играть на финансовом рынке, необходим был кредит. Две тысячи долларов. Этого вполне должно было

хватить. Даже если игра не заладится, я мог бы позволить себе несколько промахов и на последней сделке сорвать всё-таки куш. К тому же это была не та сумма, лишившись которой, мне бы пришлось продавать почку. Работать придётся в два раза больше, и только. Подумаешь. Спал восемь часов, буду—пять. Тесла, говорят, вообще отдавал сну три часа в день и ещё умудрялся заниматься наукой.

А если по-честному, я даже не рассматривал пессимистичный прогноз. Я был полон амбиций. Из разряда—в какой цвет выкрасить яхту, спущенную на воду в живописном порту Баден-Бадена. Я уже видел свой будущий коттедж в горах Швейцарии. Из него открывался сногшибательный вид на Калифорнию. За те деньги, что у меня скоро будут, мне без проблем отбуксируют эту часть суши прямо под окна.

— Как работа?—спросил я таксиста, приехавшего ко мне по заказу.

— Не жалуюсь,—ответил молодой парень.

Он был одного со мной возраста. И, конечно, мне сразу понравился. Стоит побомбить недельку-другую, как ты начинаешь видеть в каждом таксисте своего кровного брата.

— Только мелочи не осталось. Глянь, может, у тебя найдётся без сдачи?

— Держи,—сказал я, протянув горсть пятак.

— Ништяк. Вспомнил сейчас в этой связи историю. Была у нас одна постоянная клиентка. Заказывала машину каждое утро, и всегда у неё была пяти-тысячная купюра. «Меня,—говорит,—не волнует, вы обязаны предоставить мне сдачу. Ищите. Это ваши проблемы». А на часах семь утра. Все магазины закрыты, кроме круглосуточных аптек. Это какой же круг нужно сделать, чтобы разменять её чёртовы деньги? И ведь сразу ни за что не признавалась, что у неё крупная купюра. Дождётся, пока ты доведёшь её до адреса, и только потом: «Надеюсь, у вас сдача найдётся?»

— Вот ведь стерва,—произнёс в сердцах я.

— И что, думаешь, я придумал?

— Давай колись!

— Насобираю целый мешок мелочи. Десять копеек, пятьдесят и рубли. Бросил всё это хозяйство в багажник и принялся ждать, когда она мне попадёт опять. Не прошло пары дней, слышу по радиации знакомый адрес.

— И она опять была с пяти-тысячной?

— Дружище, отвечаю, видел бы ты её лицо, когда я достал мешок и сказал: «Пересчитывать будете?»

Боже, я, наверно, не хохотал так никогда в жизни.

Я вышел из машины, всё ещё хохоча как умалишённый. Преодолею проходную. Что удержало охранника от того, чтобы не повалить меня на пол как террориста, не знаю. Только когда я поднялся по лестнице на второй этаж, мой смех перешёл на беззвучный режим. Настолько угнетающе на меня

действовала бюрократия. А здание, в котором располагался Игорев офис, представляло собой типичный оплот бумагомаральства и официоза. Сплошной пластик, кожаные диваны и пальмы в глиняных кадках. И только запах стоял тут как в подземелье. Древний, сырой, застоявшийся. В прошлом здесь либо усердно орудовал КГБ, либо сочинялись отчёты по пятилеткам, либо разрабатывались проекты по орошению монгольских пустынь.

— О, дядя Лёша, привет,—сказал Игорь, когда я вошёл.— Может быть... м-м-м?—спросил он, округлив глаза вопросительным знаком. В его руке каким-то чудесным образом появилась наполовину початая бутылка армянского коньяка.— Будете? Или вы за рулём?

— Отчего бы? И не откажусь,—произнёс я.

Игорь отличался удивительной способностью пить. Он пил алкоголь, как иные родниковую воду, совершенно от него не пьянея, даже, напротив, обретая подшофе вдохновение. Его мысли разъяснялись, планы на жизнь углублялись, а воображение начинало работать почище чем у Пелевина. Пока мы добивали бутылку, он умудрился найти новый заказ. Созвонился по «Авито» с типом, которому нужно было построить баню на даче, подняв первоначальную сумму контракта в два раза. Потом всё по тому же «Авито» нашёл свободную бригаду строителей и договорился о найме. Через пять минут на его расчётный счёт уже пришла предоплата.

— Пространство вариантов,—торжественно произнёс Игорь, доставая из шкафа очередную бутылку.— Зачем суетиться, совершать лишние телодвижения, когда можно просто свести друг с другом нужных людей и они всё за тебя сделают сами? Человеческий мозг может всё. Если хорошенько подумать, мир—это просто-напросто горсточка квантов. В том числе мы с тобой. Значит, человек в состоянии одной силой мысли превратить своё тело в воду. Или придумать такую херню, что каждый день ему на карточку будет приходиться по два миллиона бакинских рублей. Например, как сейчас. Запрограммируй Вселенную, и она сама приведёт тебя прямо к мечте. Сведёт с нужными людьми, подстроит события. Если ты думаешь правильным образом, кванты вокруг перестраиваются в должном порядке. Единственное, что мешают,—это узость горизонта сознания,—наполняя рюмки, произнёс друг.— Мы не можем ничего помыслить, если этого нет в нашем опыте, в подсознании. Поэтому мне жаль людей, которые не читают. В каждой книге заключён опыт целой человеческой жизни. Чтобы его получить, у автора ушло пятьдесят лет. В лучшем случае. А многие так и умирают, ничего не поняв. Три развода, десять детей, какие-то собутыльники вечные. «Эй, дружище, давай уколемся спиртом».

Конечно, ты ни хрена не поймёшь. Для начала высуны голову из проблем и осмотрись. Поэтому, как только у меня появляется свободное время, я беру книгу,— сказал он, взяв со стола обтрёпанный том Кастанеды,—и начинаю осмысливать буквы. За каких-нибудь три часа я узнаю столько, что не читающему человеку не снилось.

Тут мы одновременно подняли рюмки, чутьём давно знающих друг друга людей, угадав, что именно сейчас, в эту самую секунду, для этого наступило подходящее время.

— Вот ты говоришь, нужно думать правильным образом,— произнёс я, примеривая полученную информацию к игре на бирже.— Абсолютно согласен. Но как это «правильно»? Просвети меня, учитель.

— Позитив! Исключительно позитив. Будешь думать о плохом, соответственно и Вселенная сгенерирует вокруг тебя неприятности. Никогда не забывай о теле. Голодного всё вокруг бесит. Уставшему даже самая незначительная неприятность кажется неразрешимой. Поэтому во всём потакай телу. Хочешь есть—закажи суши или пожарь сочный стейк. Аналогично со сном и остальными потребностями. Давай телу лучшее, чтобы оно испытывало чувство комфорта, и тогда удача немедленно придёт в твою жизнь. Во-вторых, абстрагируйся от беспокойства. Тревога мешает видеть хорошее. У большинства это происходит автоматически. Как отдёргнуть от горячего руку. Спусковым крючком может стать обычный телефонный звонок. Какая-то мелочь. Но она запускает программу. А всё потому, что тревога стала хронической. Мы так часто испытываем стрессы, что организм начинает воспринимать это состояние как естественное. Наверняка обращал внимание на людей, которые ходят по улице, словно им засадили в задницу кочергу, какие-то вечно согбенные, скрученные, перекошенные. Беспокойство настолько глубоко в них сидит, что они не в состоянии расслабиться.

— Хорошо. И как с этим бороться, Конфуций?

Я поймал себя на мысли, что всё это действительно походило на беседы учеников с Конфуцием. Гремучая смесь квантовой физики, психоанализа Юнга и наркотических откровений Карлоса Кастанеды.

— Медитация. Новичкам достаточно просто концентрироваться на дыхании. На том, как кислород проникает в лёгкие и распространяется вместе с кровью по телу. Главная цель—найти внутреннее равновесие. Ты поймёшь, о чём речь, когда впервые его испытаешь. Тогда же любая проблема, от которой впору хоть вешаться, перестанет занимать твоё драгоценное внимание. Но, как я уже говорил, это для новичков. Я, например, при помощи медитации ломаю нейронные связи. Это как тренировать мышцы. Поднимая тяжести, ты рвёшь

ткани. Срастаясь впоследствии, они увеличиваются в объёме и массе. Человек делается сильнее. Это верно и для нашего мозга. Люди привыкают думать по заданному алгоритму. Они больше спят, чем живут. Так легко и привычно протекает в них процесс мышления. Но если ты хочешь быть креативным, необходимо постоянно разрушать устоявшееся. Для этого во время медитации я представляю, будто нахожусь на крыше стоэтажного небоскрёба. Представляю, как в лицо дует ветер, слышу далеко внизу автомобильные гудки. Кто-то кричит: «Такси! Такси!» Полная иллюзия присутствия.

При этих словах Игорь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Его голос становился всё отстранённое и тише. Похоже, он и вправду переместился сейчас в другой мир.

— Я боюсь высоты,— говорил он,—но я заставляю себя подойти к самому краю и посмотреть вниз. Боже, как высоко! Облака—и те летят подо мной. Я осматриваюсь. На горизонте я вижу синюю полосу воды. Океан! Он так далеко. Наверное, в десятке километров отсюда. Я никогда не бывал на такой высоте. А потом я делаю шаг и прыгаю вниз. Впустую.

Неожиданно он замолчал.

— Игорь!— позвал я его.— Всё нормально?

Я подошёл к другу и принялся тормошить его за плечо. Тело Игоря болталось в кресле, как макароны. Стоило мне его отпустить, и он завалился на бок, уронив на грудь голову. Из рта послышался храп.

Я осмотрелся. На моё счастье, печать лежала на видном месте, прямо на столе, возле томика Кастанеды с многообещающим названием «Путешествие в Икстлан». Достав из принтера чистые листы А4, я щедро украсил их синими кругляшками с реквизитами Игоревой компании.

Потом перетащил товарища на диван, выключил свет и вышел, захлопнув за собой дверь.

10.

— Мой жена мне изменять, дорогой,— грустно сказал пассажир, когда мы выехали со двора. Узбек или киргиз. Кто-то из этой оперы.— Скажи, на кой чёрт такой жена, который тебе изменять?

— Может, всё не так плохо, как кажется?

— Я ей звонить два часа. Почему не брать трубку? Скажешь, не слышать? Два часа не слышать звонка? Не подходит к телефону? Нет, она мне изменять. И я знать, с кем она это делать. Я ехать их задушить.

Мы остановились на светофоре. И тут мне на телефон пришла смс-ка. Писала Лена. «Золото пробило линию сопротивления». Прямо чёрным по белому. Я сам её научил. Провёл краткий курс трейдера. Пока я работал, она наблюдала за рынком, отслеживая сигналы, чтобы в случае чего я

мог оперативно подъехать домой и вступить в сделку. Играть самой я категорически ей запрещаю. Не женское это дело. И вот наконец-то первый серьёзный звоночек. Мы дожидались его всю неделю. Потом аналитики скажут, что причиной всему обнародованный отчёт по безработице в США или цунами на Пиренеях и что будь я опытным спекулянт, то ни за что не вышел бы сегодня на смену. Ждал бы этих грёбанных новостей. Но как же тогда позавчерашняя публикация об ускоренных темпах инфляции в Великобритании и падении индекса Доу-Джонса, на которые отреагировали только российский рубль и деревянные дощечки Папуа — Новой Гвинеи? Как по мне, так фундаментальный анализ — форменное нае...лово и даёт такое же предствление о действительности, как вечерние выпуски «Времени» на ОРТ. Просто психопаты со всего мира среагировали на полную луну или очередную вспышку на Солнце, как это часто бывает. И именно в тот момент, когда я был за рулём.

В общем, не успел включиться зелёный, как я рванул с места. Рванул точно ковбой из загона на необъезженной лошади. Если бы мой пассажир не был так сильно расстроен, он немедленно схлопотал бы инфаркт миокарда. Такой обширный, что даже врача вызывать не пришлось бы.

— Задушить обоих, — повторил он.

— Лучше напейся. А завтра подай на развод.

— Я уже пить водка. Не помогает. Только — как это по-русски? — тошнить. Точно, тошнить. Плохо. Очень плохо от водка. Голова болеть, тошнить и печаль мысли. Никакой результат.

— С водкой такое бывает. Сначала плохо, потом хорошо.

— Нет, я хотеть видеть всё своими глазами. Хотеть сам убедится.

Мы долетели до адреса быстрее, чем Ричард Гир в фильме «Красотка». Частный дом с двумя половинами, и ни в одном окне не горел свет. Похоже, все давно спали, но выбежавший на улицу узбек принялся орать на весь чёртов город:

— Выходи, шлюха, я знаю, что ты здесь.

Залаяли собаки. Сначала одна, потом вторая. Мгновение спустя уже лаяла целая улица. Сотни свихнувшихся от многолетнего сидения на цепи псов, единственной радостью которых было отвести душу групповым лаем. Должно быть, в их понимании этот узбек был мессией. Что-то навроде того. Они ждали его прихода тридцать три собачьих поколения подряд и так далее.

В доме зажёгся свет. Затем скрипнула дверь. По дощатой дорожке прошлёпали чьи-то шаги.

— Какого хрена, Нурик, ты тут устроил? — выйдя на улицу, проорал лысый мужик в майке.

— Ты спать с мой жена.

— Ты совсем, что ли, рехнулся?

— Нет, я всё знать. Где он?

— Откуда я знаю? Это твоя жена, не моя.

— Лжёшь, — прокричал Нурик и бросился на мужика.

Мне тем временем пришла ещё одна смс-ка: «Скорее. Золото поднялось на пятнадцать пунктов!» Господи, если бы я открыл сделку десять минут назад, то сейчас заработал бы две тысячи долларов. Путёвка в Пхукет на одиннадцать дней на двоих стоила столько же.

Вот-вот должна была начаться корректировка. Какое-то время у меня ещё имелось в запасе. Но как высоко пойдёт цена после отдыха, угадать невозможно. Она и вовсе могла вернуться обратно. Такое часто случалось. Свеча пробивала на несколько часов линию сопротивления, и вот, когда ты уже не сомневался, что тренд изменился, цена неожиданно падала, оставляя сотни тысяч людей без квартир, драгоценностей и последних штанов. — Я тебя резать! — послышался голос узбека.

Я поднял голову. В руках у того блеснул раскладной нож. На лице застыла восковая маска безумия. — Не глупи, Нурик.

— Где мой жена, говори!

— Я же сказал, что не знаю.

— Ты лжёшь, шакал. Я тебя сейчас резать!

Я завёл двигатель и рванул с места, даже не взяв с узбека за проезд денег. Ну его к чёрту. Всего через час я буду пить «Чёрный Бакарди», флегматично путешествуя по туристическим сайтам в поисках шестизвёздочного отеля с вертолётной площадкой на крыше.

Вылетев на проспект Мира, я включил пятую. Виадук проскочил на скорости сто десять километров в секунду, чуть было не взмыв в воздух на перевале. Снова я начал мечтать о летающем автомобиле. Если бы у моей машины имелись крылья, то отсюда до моего дома можно было спланировать, как на аэроплане, приземлившись аккуратно во дворе на парковку. Алексей и его летающие «Жигули». Неплохо придумано. Когда я выиграю миллиард долларов, у меня обязательно будет такая машина. Я стану единственным во всём городе человеком, которого перестанут беспокоить зазевавшиеся пешеходы и нерасторопные водители дээн-буддисты.

Спустившись к кольцу, я бросил взгляд на пассажирское сиденье. Там лежал забытый Нуриком телефон. Я буквально увидел, как, разделавшись с лысым типом, узбек заваливается ко мне на квартиру: «Где мой телефон?» — «Угомонись, псих. Я твой телефон и пальцем не трогал». — «Тогда я и тебя сейчас резать, шакал».

Я развернулся на кольце, как циркуль в тетрадке. И на этот раз действительно подлетел в воздух, преодолевая мост через железнодорожные пути. Машина тяжело грохнулась на асфальт; ударом из моих рук выбило руль управления. Поймал я его только на встрече и, взяв немедленно вправо,

бросил машину в управляемый занос. Я целился в пересекавшую проспект Мира Хлебную улицу. «Жигули» заскочили в неё, как верблюды в игольное ушко, подняв позади шлейф серой пыли. Тогда я снова включил пятую скорость, принявшись укладывать стрелку спидометра.

— Я знаю, что ты здесь, стерва! — прокричал Нурик, когда я ворвался между враждующими.

Теперь в спектакле принимала участие женщина. Русская. Она стояла, гордо выпятив грудь, как древнегреческая богиня, и буквально испепеляла несчастного презрительным взглядом. А тот мялся на месте, никак не решаясь пустить в дело нож. Репетировали они, что ли? Во всяком случае, походило это всё на вольную интерпретацию «Отелло» Шекспира. Из тех, что снимали разного рода Роберы Брессоны и Андреи Тарковские. Сейчас откуда-нибудь из подворотни появится пожилая мать Нурика, укутанная в чёрную шаль, а женщина устроит акт самосожжения под хрен его знает откуда заигравшую симфонию «К радости».

Я выбросил телефон из машины и, прежде чем кто-то успел сказать хоть одно слово, скрылся из виду.

Я буквально сторал от азарта и не помнил, как припарковался у дома, не помнил, как открыл дверь квартиры. Мне казалось, я прошёл её насквозь, как супергерой из комикса.

Бросив жене:

— Лена, сделай мне кофе, — я сел за компьютер.

Графики! Я погрузился в них с головой. Я что-то чертил, открывал ленты финансовых новостей, потом сверял полученные мной данные с фазой Луны и тем, какая планета сейчас была в Козероге, а какая во Льве. Я варил настоящее зелье из знаний, в котором таблица умножения опускалась в кипящее варево сразу же после выдержек из трудов Фридриха Ницше, а статистика роста числа безработных в Америке замешивалась одновременно с буддийскими мудростями. Дав получившейся похлёбке остыть, я отпил пару глотков. И на меня снизошло откровение! Нужно играть на понижение. Да-да, золото непременно отскочит к только что сформировавшейся линии поддержки.

Поставив стоп-лосс, я вошёл в сделку. Сразу двумя лотами. Всеми деньгами, что были на депозите.

Какое-то время цена топталась на месте. Мне же, напротив, хотелось куда-то бежать. Я встал и обошёл комнату. Сначала по часовой стрелке, потом против неё. Затем вернулся к компьютеру. Котировка двигалась вверх, сжирая взятый в банке кредит.

— Поворачивай. Ну же, — прошипел я.

Я поднял правую руку, пытаясь воздействовать на рынок тяжестью своей длани. Я чувствовал под ладонью сопротивление цены. Теперь она снова застыла на одном уровне. Тогда я напряг мышцы,

включая и те, о существовании которых нам редко приходится вспоминать, и принялся медленно опускать руку вниз. Да, ваша честь, я оказывал на рынок давление. И котировка — о чудо! — начала идти вниз. Она опустилась на три жалких пункта, которые тут же поглотило противоположным движением цены. Но это была первая ласточка. Отыгрывая по несколько долларов за десять-пятнадцать волнообразных колебаний свечи, я вышел в плюс. К тому времени я уже находился на грани нервного срыва и орал как помешанный:

— Да, ещё ниже, пожалуйста.

На мои крики из кухни вышла жена, принеся с собой запах котлет. Минут двадцать они скворчали на сковороде через стенку, но я этого не замечал. Все мои органы чувств были сфокусированы на мониторе компьютера. В том числе и обоняние. Боже, да я, кажется, чувствовал лёгкий аромат золота, исходивший из колонок компьютера. Оно пахло тончайшим нотками французского вина урожая одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, кожаным салоном нового AMG и солоноватым дуновением моря.

— Выигрываем?

— Погоди, — шикнул я на жену, боясь спугнуть удачу, хотя только что орал как человек, побивший десять олимпийских рекордов и ещё две дюжины мировых. Не говоря уже о европейских.

Цена, потеряв точку опоры, неожиданно рухнула вниз.

— О Господи! — вскричала жена.

— Да-да, — произнёс я.

— Господи.

Но рынок явно играл с нами в кошки-мышки. Не успели мы свыкнуться с обрушившимся на нас счастьем, как котировка резко взметнулась вверх, отыграв за раз десять пунктов.

— О Господи! — снова вскричала жена.

— Да погоди ты со своим Господом, Христа ради.

Жена замолчала, но вцепилась мне пальцами в плечи с такой чудовищной силой, что хоть сейчас налаживай на промышленном уровне производство поваренной соли.

— Падает, опять падает, — закричал я, указывая пальцем на график. Разговаривать человеческим голосом я, конечно, не мог.

Нет, движения котировок непредсказуемы. Три часа рынок может трепать тебе нервы геморроидальными скачками на одном уровне, пока, в конце концов, сделав совершенно равнодушную мину, за каких-то пару мгновений коснётся стоп-лосса, преодолев двадцать пять пунктов быстрее, чем ты успел прочитать «Отче наш».

— Чтоб вас драли в задницу и я это видел, — непроизвольно вырвалось у меня. Я всегда это кричал, когда находился на грани жизни и смерти. — Мы это сделали! Сделали, будь я неладен.

— Сколько мы выиграли?

— Полторы тысячи долларов.

— О Господи.

— Да. И это только начало.

Теперь я решил сыграть на повышение. Да-да, я конченный психопат, я это знаю, но разве план мой не гениален? Собрать урожай на корректировке цены и следом взять куш на очередном движении тренда.

— Не делай этого, Лёша, не надо.

— Надо, Лупоглаз, надо.

Я открыл сделку. На этот раз не пришлось даже нервничать. Через минуту цена уверенно двинулась вверх. Она двигалась без резких скачков и падений. Будто её кто-то подталкивал в спину. Стабильность, черт её подери. Вот что значит сотрудничать с международной компанией.

— Мы богаты,— закричал я десять минут спустя, когда цена пробилла стоп-лосс.— Богаты, чёрт поberi.

Наверное, обнимались мы с женой в этот момент, как два цирковых морских котика где-то под Тверью, которые, после долгих скитаний по разорённой инфляцией стране наконец собрали полный аншлаг.

— Завтра же делаем визы. Поедем в Европу, посмотрим, правда ли у них там живут одни гомосеки.

— А я хочу посмотреть Эйфелеву башню.

— Посмотришь. Это как раз где-то между Колизеем и Тауэром. По утрам будем кушать креветок, а вечером пить божоле. И никаких отныне котлет из туалетной бумаги.

— Ой, забыла совсем. Котлеты же на сковороде.

Дым в комнате стоял, как при пожаре. Жена побежала на кухню, а я открыл миллион окон— проветрить квартиру. А после пошёл в магазин за французским шампанским.

11.

Приятно просыпаться богатым.

Ни с чем не сравнимое чувство спокойствия и удовлетворения, которое ничто не способно разрушить. Даже пошарканный до бетонного пола линолеум под ногами и дребезжащий, словно потерпевший крушение космический корабль, холодильник. Отныне это всё меня не касалось. Как грязь и нищета гниющей Калькутты не касалась человека, пролетавшего над ней высоко в небе в сторону Канарских островов.

Я умылся и вышел на кухню. Жена сидела в углу, уставившись в одну точку. Вид она имела не выпавшийся. Должно быть, сложно спать с такой горой нежданно-негаданно свалившегося на тебя счастья. Я и сам не уснул бы, если после шампанского не всадил бы чекушку армянского коньяка.

Сделав кофе, я торжественно встал у окна.

— Ты меня убьёшь, если узнаешь,— сказала жена.

Честно говоря, голос её мне не понравился.

— Говори,— сказал я.

— Не могу.

Тут она, конечно, заплакала.

— Давай колись, что случилось?

— Я всё проиграла.

— Проиграла?— повторил я.

Что она могла проиграть? Набор кастрюль из «Фэмили Маркет», который мы купили по аукционным купонам за половину цены? Или две тысячи начисленных сотовым оператором баллов за три года сотрудничества? Хотела подключить на гудки новую песню Билана, а в итоге пожертвовала баллы на благотворительный сбор в пользу озеленения Юпитера?

— Да,— сказала она и заняла с новой силой.

— Какого чёрта?— закричал я, опустив кофе на подоконник.

— Ты уснул, а я решила включить компьютер и ещё раз посмотреть на наш выигрыш. Одним глазочком. И я... я... я подумала, что если удвою его, то никому от этого плохо не будет. Я сыграла австралийскими долларами и закрылась с небольшим плюсом. Потом открыла сделку на евро. И опять чуть-чуть выиграла. Я хотела лечь спать, но увидела, что золото опять дорожает. И тогда я... я действительно всё проиграла.

Австралийские доллары! Я не верил своим же ушам.

Я бросился в комнату. Компьютер находился в спящем режиме. Как дымящийся пистолет в квартире с окровавленным трупом, он молча свидетельствовал о совершённом здесь преступлении. Когда монитор включился, я чуть не пробил ему правой. На депозите значилось три сотни баксов— сумма, при которой происходит автоматическое закрытие сделки, чтобы клиент не ушёл в минус. Предусмотрительно, чёрт их дери. Если кому-то вздумается вскрыть себе вены, проиграв всё имущество, у родственников останутся деньги на похороны. Разумеется, на весьма скромные похороны.

Я пошёл на балкон и закурил. Я не хотел видеть жену. Я за себя не ручался. Возможно, я смог бы сейчас её и убить. Но здесь, на балконе, мне пришли в голову мысли другого характера. Как-никак пятый этаж. Такие двери в загробную жизнь обычно не бывают закрытыми.

Руки сами потянулись к сотовому телефону.

— Рома, привет,— сказал я меланхолично-бодрящимся тоном.

— Привет,— ответил Рома печально.

— Ты там что, спишь, твою мать?

— Да нет же.

Я не узнавал друга. Где его позитивный настрой? Неужели его кто-то обидел? Вчерашний ром был поддельным? Или проститутки, которых он снял, оказались романтическими душами и всю ночь читали стихи?

— Рома, я проиграл две штуки баксов.

— Да?

— Представь себе, да!

— Ну ничего. Могло быть и хуже,— произнёс он.

— Рома, ты втянул меня в это дерьмо. Теперь вытаци меня из него.

Я так и сказал ему напрямую. Всё лучше, чем полчаса ходить вокруг да около, а потом один хер выпалить правду-матку.

— Каким, интересно, образом я должен тебя вытаци?

— Не знаю. Ты мог бы, например, дать мне немного денег на новый старт.

Боже, я разговаривал, как какой-нибудь герой из фильма Мартина Скорсезе. Я был в полном отчаянии, в полном.

— Пару сотен я смогу для тебя наскрести.

— Рома, ты издеваешься надо мной?

— Лёха, я проиграл за последние дни три миллиона.

Вот это новость. Мне словно прилетело по голове бейсбольной битой, когда я бежал со всех ног за уходящим автобусом. Прилетело на встречном движении. Аж земля ушла из-под ног.

— Рублей? — спросил я.

— Ты считаешь, это что-то меняет?

Теперь я понимал, откуда в его голосе столько трагизма.

— Откуда ты взял три миллиона?

— В банке дали.

— Вот ты ослиная голова.

— Я всё просчитал,— произнёс друг. Мне, казалось, он плачет на другом конце линии.— К сегодняшнему утру, самое позднее к пятнице, я должен был стать долларовым миллиардером.

— Рома, ты вообще где?

— Я пока здесь.

Он явно был на грани петли. Нужно было его срочно спасать. Как анонимные алкоголики собираются вместе, чтобы не пить, так и потенциальные самоубийцы— вместе бухают, чтобы не вскрыть себе вены.

— Я сейчас приеду к тебе. Нам нужно выпить.

— У меня двести рублей, а мне ещё жить на них чёрт знает сколько.

— Тебе ещё жить на них долгие годы. Слышишь меня?

Знаю, звучало ужасно, но, кажется, он меня понял.

— Да,— покорно произнёс Рома.

— Я вызываю такси.

Окончание следует